Человек в Высоком замке

Автор:
Филип Дик

Человек в Высоком замке

Филип Киндред Дик

Филип К. Дик. Электрические сны

Роман «Человек в высоком замке», принесший автору премию «Хьюго» в 1963 году, рассказывает о том, по какому пути могла бы пойти история, если бы фашистская Германия и Япония одержали победу во Второй мировой войне.

В формате a4.pdf сохранен издательский макет.

Филип К. Дик

Человек в Высоком замке

© Корчагин Г., перевод на русский язык, 2016

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Э», 2016

* * *

Моей супруге Энн – без ее молчания не была бы создана эта книга

Глава 1

«Заказчик будет очень недоволен», – хмуро подумал мистер Чилден, отворяя дверь магазина «Американские художественные ремесла».

Он всю неделю дожидался ценной посылки из Скалистогорских Штатов, и вот уже утро пятницы, а на полу под почтовой щелью одни только письма.

Бросив пятицентовик в настенный автомат и получив стаканчик быстрорастворимого чая, он взялся за метлу. Вскоре торговый зал магазина был готов к открытию: везде безукоризненная чистота, кассовый аппарат набит сдачей, в вазе свежие бархатцы, из репродуктора льется тихая музыка. Снаружи по тротуарам Монтгомери-стрит спешили в свои офисы бизнесмены. Далеко в небе проплывал вагончик канатной дороги; Чилден проводил его ласковым взглядом, полюбовался и женщинами в длинных пестрых платьях из шелка. И тут зазвонил телефон.

Владелец магазина прошел в глубь зала, взял трубку:

– Слушаю вас.

В ответ прозвучал знакомый голос. Чилден совсем упал духом.

– Это господин Тагоми. Насчет вербовочного плаката времен Гражданской войны. Вы еще на той неделе обещали, помните? Он прибыл наконец?

Нервная, резковатая речь. Вежливость на грани срыва.

– Мистер Чилден, в чем проблема? Вы просили задаток – я оставил. Объяснял же: эта вещь предназначена в подарок важному клиенту.

– Господин Тагоми, – начал Чилден, – я несколько раз направлял на почту запрос, причем за свой счет, но вещь заказана в другом регионе, поэтому…

– Выходит, она еще не доставлена? – перебил Тагоми.

– Нет, господин Тагоми.

Наступила ледяная пауза.

– Больше я ждать не могу, – проговорил наконец Тагоми.

– Да, сэр. – Чилден уныло рассматривал через витрину залитые теплым солнцем офисные здания Сан-Франциско.

– Давайте подумаем о замене. Что посоветуете, мистер Чилден?

Тагоми, не выходя за рамки формальной вежливости, произнес фамилию чуть искаженно, и у собеседника запылали уши[1 - Childan (Чилден) – созвучно children, то есть «дети». Можно предположить, что Тагоми добавил в фамилию собеседника мягкий, едва заметный звук «р». (Прим. перев.)].

Вот она, горькая доля побежденных. Страхи, страдания, разбитые мечты, утраченные надежды – все взбаламучено одним-единственным обидным словом, все устремляется кверху со дна души, затопляя разум, не позволяя связно отвечать.

Роберт Чилден молчал, потела сжимавшая трубку ладонь. В торговом зале пахло бархатцами, играла музыка, но он себе казался моряком, упавшим за борт посреди чужого моря.

– Посоветую… – все же преодолел он ступор, – маслобойку. Еще есть мороженица, примерно тысяча девятисотый год…

Разум отказывался соображать. Вот как это случается, нежданно-негаданно. А ты уже было поверил, что все стерто в памяти. А ты уже было ухитрился себя оболванить. Как бы не так. Тебе тридцать восемь, и ты способен припомнить довоенные деньки. Франклина Делано Рузвельта, Всемирную ярмарку – дивный старый мир.

– Если желаете, я кое-что доставлю к вам на работу для демонстрации, – пробормотал он.

Договорились встретиться в два часа.

«Придется закрывать магазин», – сообразил Чилден, положив трубку.

А что поделаешь? С такими клиентами, как господин Тагоми, портить отношения нельзя – от них зависит бизнес.

Стоя у прилавка и дожидаясь, когда уляжется дрожь в теле, он запоздало обратил внимание на вошедшую в магазин парочку. Молодой человек и девушка, красивые, хорошо одетые. Просто идеальные. Он успокоился полностью и с профессиональной улыбкой на лице легкой походкой направился к посетителям.

Склонившись над прилавком, они рассматривали через стекло изящную пепельницу.

«Женаты, – предположил Чилден. – Живут небось в какой-нибудь роскошной новостройке вроде Города клубящихся туманов, у бульвара Скайлайн, с видом на Белмонт».

– Здравствуйте.

Чилдену уже совсем полегчало. В улыбках посетителей не было и намека на превосходство, только доброта. Его товары – а лучшей подборки не найдешь на всем побережье – привели парочку в восхищение. Чилден был польщен сходством вкусов, и это не осталось незамеченным.

– Превосходные вещи, сэр, – сказал молодой человек.

Неожиданно для самого себя Чилден поклонился.

Глаза этих людей излучали не только тепло связующей их любви, но и благоговение перед выставленными на продажу изделиями. На Чилдена смотрели с благодарностью – ведь это он позаботился о том, чтобы в «Американских художественных ремеслах» каждый мог полюбоваться предметами искусства, подержать их в руках, даже если не собираешься покупать.

«Да, – подумалось ему, – эти ребята понимают, где находятся. Тут им не навяжут какое-нибудь барахло для туристов вроде дощечки мамонтового дерева с надписью «Муир-Вуд, округ Марин, ТША»[2 - Муир-Вуд – в нашем мире заповедник, секвойный лес в штате Калифорния. (Прим. перев.)], смешного дорожного знака, девичьего колечка или открытки с мостом Золотые Ворота. У нее глаза необычные, – отметил он. – Большие, черные. С какой легкостью я бы мог влюбиться в такую женщину. И какой трагедией обернулась бы моя жизнь, и без того несладкая».

Он замечал все: уложенные в стильную прическу черные волосы, лак на ногтях, проколы в ушах для серег ручной работы.

– Сережки, – пробормотал он. – Вы здесь покупали?

– Нет, – ответила девушка. – Дома.

Чилден кивнул. Да, в таком магазине, как у него, современным вещам не место. «Художественные ремесла» торгуют только антиквариатом.

– Надолго вы к нам в Сан-Франциско? – поинтересовался он.

– Бессрочно, – сказал мужчина. – Пока мои услуги нужны Комитету планирования уровня жизни на пострадавших территориях.

Увидев гордость на его лице, Чилден решил: нет, не военный. Ничего общего с мобилизованными деревенскими грубиянами, которые слоняются по Маркет-стрит, жуют жвачку, смотрят непристойные шоу и порнофильмы, стреляют в тирах, проводят ночи в дешевых клубах, где на стенах висят фотографии перезрелых томных блондинок, что держатся, кривляясь, за соски дряблыми пальцами… Почти вся равнинная часть Сан-Франциско в таких вот притонах вперемежку с лачугами из консервной жести и гнилых досок – и эти трущобы появились еще до того, как упала первая бомба.

Нет, этот молодой человек явно из элиты. Культурный, образованный. Пожалуй, даже господин Тагоми в сравнении с ним простоват, а ведь он высший чиновник могущественной Торговой миссии на Тихоокеанском побережье. Впрочем, Тагоми стар, его мировоззрение сформировалось еще в годы Военного кабинета.

– Подыскиваете что-нибудь для подарка? – спросил Чилден. – Американское традиционное этническое искусство подойдет как нельзя лучше. Или хотите украсить новое жилище? В этом случае… – У него сильнее забилось сердце.

– В самую точку, – кивнула девушка. – Надо подобрать обстановку для квартиры, но, в каком стиле, мы еще не придумали. Может, посоветуете что-нибудь?

– Конечно, ведь это моя работа, – ответил Чилден. – Готов осмотреть ваши апартаменты. Заодно мог бы прихватить несколько саквояжей с раритетами, чтобы вы сами на досуге выбрали подходящие.

Он опустил глаза, пряча азарт. Дельце сулило прибыль в тысячи долларов.

– Как насчет новоанглийского стола[3 - Новоанглийский мебельный стиль – одно из направлений американского кантри-стиля. Для него характерны упрощенный дизайн и интенсивные тона цветовой палитры. (Прим. перев.)], клен, ни единого гвоздя, только деревянные шипы? Исключительно элегантный и в превосходном состоянии. Есть зеркало эпохи наполеоновских войн. Может быть, интересует искусство аборигенов? Могу предложить коллекцию ковриков: козья шерсть, растительные краски.

– Я предпочитаю городское искусство, – заявил мужчина.

– Вот и прекрасно, – с энтузиазмом подхватил Чилден. – Что, если я предложу настенное украшение периода АОР – почтовое панно, дерево, четыре секции[4 - Администрация общественных работ – один из инструментов государственного управления экономикой в рамках рузвельтовского «Нового курса» – программы выхода из Великой депрессии. АОР действовала с 1935 по 1943 г. и занималась главным образом крупным строительством. Почтовые здания, украшенные фресками и панно со сценами из истории США, пейзажами и портретами государственных деятелей, – памятники той эпохи. (Прим. перев.)] с портретом Горация Грили?[5 - Гораций Грили (1811–1872) – знаменитый американский издатель, журналист и политик, основатель газеты «Нью-Йорк дейли трибьюн». (Прим. перев.)] Просто мечта коллекционера!

– О! – сверкнули темные глаза посетителя.

– Виктрола[6 - Виктрола – стационарный граммофон, выпускавшийся в первой половине XX в. американской фирмой «Виктор Орсье». Громоздкие тумбы виктролы были вытеснены из обихода компактными патефонами. (Прим. перев.)] девятьсот двадцатого года, с тумбой, переделанной в мини-бар.

– О!

– А еще, сэр, фотография Джин Харлоу[7 - Джин Харлоу (1911–1937) – американская кинозвезда и секс-символ 30-х годов. (Прим. перев.)], в рамке и с автографом.

Молодой человек слушал как зачарованный.

– Договариваемся о встрече? – поймал Чилден верный психологический момент. Из внутреннего кармана пиджака он достал авторучку и блокнот. – Сэр и леди, позвольте ваши имена и адрес.

Чилден попрощался с супружеской четой и постоял в дверях, сцепив кисти за спиной и глядя на улицу. Его наполняла радость. Эх, почаще бы выдавались подобные удачные деньки! Ведь для него торговля антиквариатом – не просто бизнес. Это еще и вот такие встречи с молодыми японцами, и разговоры практически на равных, когда ты для них полноценный человек, а не жалкий янки или в лучшем случае продавец туземных поделок. Да, эти молодые люди, новое, не помнящее довоенного времени и даже самой войны поколение – надежда нашего мира. Кто откуда родом, для них значения не имеет.

«Рано или поздно этому придет конец, – подумал он. – Исчезнет разница между странами. Исчезнут национальности, не будет пропасти между управляемыми и управляющими, останутся только люди».

И все же он дрожал от страха, представляя, как постучится в дверь к молодой чете. Заглянул в блокнот: Касоура. Раз пригласили к себе, значит, предложат чаю. А ведь это целый ритуал. Каждый его момент требует особых действий, особых слов – удастся ли все это вспомнить? Удастся ли не опозорить себя ошибочным поступком, не показаться грубой скотиной?

Девушку зовут Бетти. Какое у нее умное лицо. И взгляд – такой нежный, сочувственный. В магазине она пробыла всего-то ничего, но и этого времени,

конечно, ей хватило, чтобы прочитать на лице Чилдена его мечты и разочарования.

Мечты… Ему вдруг стало нехорошо. Какие тут могут быть мечты, он же не безумец и не самоубийца. Ну, допустим, известны случаи, когда японцы вступали в связь с янки… но чаще всего это японцы-мужчины и янки-женщины. Здесь же… Он содрогнулся от одной этой мысли.

К тому же она замужем.

Чилден выбросил из головы навязчивые фантазии и приступил к разборке утренней почты.

Но руки по-прежнему тряслись.

Он вспомнил о назначенной на два часа встрече с господином Тагоми, и дрожь наконец унялась, нервозность сменилась решимостью.

«Подберу для него подходящую штуковину», – сказал себе Чилден.

Где? Как? Что? Телефон, связи, деловые способности. Что-нибудь обязательно найдется. К примеру, полностью отреставрированный «Форд» двадцать девятого года, матерчатая крыша, цвет черный. Клиент будет покорен навеки. Или как насчет самолета, настоящего почтового трехмоторника, обнаруженного в сарае алабамского фермера, идеальная сохранность? Не желаете ли приобрести мумифицированную голову мистера Б. Билла с вьющимися седыми волосами[8 - Буффало Билл – псевдоним Уильяма Коди (1846–1917), знаменитого охотника на бизонов и создателя шоу «Дикий Запад». (Прим. перев.)], сенсационный американский артефакт? Сэр, у меня отличная репутация в высших кругах знатоков искусства, и не только на Родных островах.

Чтобы поднять настроение, он закурил сигарету с марихуаной отличной марки «Страна улыбок».

В комнате на Хэйс-стрит лежал в постели и думал, как бы подняться, Фрэнк Фринк. Сброшенную вчера на пол одежду освещало проникающее сквозь

жалюзи солнце, рядом поблескивали очки – не раздавить бы ненароком.

«Надо найти другой маршрут до ванной, – подумал он. – Может, ползком? Или перекатом?»

Болела голова, но зато не было печали.

«Уходя уходи, – сказал он себе. – И не оглядывайся».

Сколько времени? Часы на туалетном столике. Ну и ну! Полдвенадцатого!

Вот и уволили меня, размышлял Фрэнк, не вставая.

Конечно, вчера на фабрике он был не прав. Зря выложил мистеру Уиндему-Мэтсону все, что о нем думает. Мистер Уиндем-Мэтсон – обладатель впалого лица с сократовским носом, кольца с бриллиантом, золотой застежки-молнии. Другими словами, обладатель власти. Трона. У Фрэнка разбредались, путались мысли.

«Вдобавок меня еще и в черный список внесут, – подумал он. – Проку теперь от моих навыков, без работы-то? Пятнадцать лет стажа насмарку».

Придется идти в Комиссию по правам трудящихся, на переаттестацию. Фрэнку не доводилось слышать о дружбе между Уиндемом-Мэтсоном и буратинами, марионеточным правительством в Сакраменто, и уж тем более он не мог представить, чтобы влияние его бывшего босса распространялось на истинных хозяев страны, японцев. В КПТ сидят буратины. Он предстанет перед четырьмя-пятью мерзавцами средних лет и, глядя на упитанные рожи, пожалуется на Уиндема-Мэтсона. Если не добьется справедливости, то доберется до одной из Импортно-экспортных торговых миссий. Они подчиняются непосредственно Токио, филиалы разбросаны по Калифорнии, Орегону, Вашингтону и той части Невады, что досталась Тихоокеанским Штатам Америки. Но уж коли и там откажут…

Он лежал и разглядывал старую люстру, а в голове роились планы. Можно, к примеру, перебраться в Скалистогорские Штаты. Но тамошние власти повязаны с ТША и запросто могут выдать его. Как насчет Юга? От этой мысли он аж

съежился. Брр!.. Только не это. Белому человеку там есть где развернуться, даже Тихоокеанские Штаты по этой части проигрывают, но… его в те края нисколько не тянуло. Поскольку Юг был покрыт густой паутиной связей – экономических, идеологических и еще бог знает каких, и ниточки тянулись в рейх. А Фрэнк Фринк был евреем.

На самом деле имя его было Фрэнк Финк. Родился на Восточном побережье, в Нью-Йорке. В 1941 году, сразу после падения России, был призван в армию США. Когда японцы захватили Гавайи, его послали на Западное побережье. Кончилась война, и он остался на отошедшей к японцам территории. Тут и прожил пятнадцать лет.

В 1947 году, в День капитуляции, он был вне себя от ярости. Мечтал отомстить ненавистным джапам[9 - Джапами американцы презрительно называют японцев. (Прим. перев.)] и даже зарыл в подвале, на глубине десять футов, свою винтовку. Тщательно смазанная и обернутая, так и ждет она часа, когда Фрэнк и его друзья поднимут восстание.

Все же время – знатный лекарь, раньше Фрэнк этого не учитывал. Сейчас, стоило подумать о мятеже, о великой кровавой бане, об истреблении буратин и их хозяев, ему казалось, будто он листает школьный альбом-ежегодник: вот юный Финк по прозвищу Карась мечтает выучиться на палеонтолога, а вот решает жениться на Норме Праут. Норма была sch?nes M?dchen[10 - Красивая девушка (нем.). (Прим. перев.)], первая красавица в классе, и он действительно клялся взять ее замуж. Все быльем поросло: любовь к однокласснице, Фред Аллен[11 - Фред Аллен (настоящее имя Джон Флоренс Салливан; 1894–1956) – знаменитый американский комик, один из самых популярных юмористов в так называемую классическую эру американского радио. (Прим. перев.)] по радио, фильмы У. К. Филдса…[12 - У. К. Филдс (настоящее имя Уильям Клод Дьюкенфилд; 1880–1946) – американский сценарист и киноактер. (Прим. перев.)] Сколько японцев он встретил после сорок седьмого, тысяч шесть, наверное, – и почему-то жажда насилия себя никак не проявляла. Разве что в самые первые месяцы. Просто это чувство внезапно сделалось неуместным.

Хотя… Был один, господин Омуро. Скупил большую часть коммерческой недвижимости в деловой части Сан-Франциско. Какое-то время Фрэнк снимал у него угол.

«Гнилое яблоко, – подумал Фрэнк. – Акула».

Домовладелец никогда не ремонтировал свою собственность, зато без конца делил комнаты на клетушки, все меньше и меньше, и задирал плату. Тяжелее всего приходилось беднякам, особенно бывшим военным, которым в депрессивном начале пятидесятых почти невозможно было найти работу. Но, между прочим, свои же, японцы из Торговой миссии, отрубили голову этому спекулянту. Зато теперь подобное нарушение их жесткого, но справедливого гражданского законодательства – дело просто неслыханное. Надо отдать должное бескорыстию оккупационных властей, особенно чиновников, что сменили Военный кабинет после его падения.

Подумав о суровой и стоической честности Торговых миссий, Фрэнк приободрился. Они даже от Уиндема-Мэтсона отмахнутся как от назойливой мухи. Подумаешь, хозяин «У.-М. корпорейшн». По крайней мере, Фрэнк на это надеялся.

«Что это, неужто я начинаю всерьез верить в «Тихоокеанскую сферу сопроцветания»?[13 - В нашем мире существовала «Великая восточноазиатская сфера сопроцветания» – глобальный политический проект Японской империи в период правления Хирохито по созданию блока азиатских стран под началом Японии для противостояния любым союзам западных держав. (Прим. перев.)] – спросил он себя. – Странно. Помнится, в самом начале это казалось таким явным враньем… пустой пропагандой. А сегодня…»

Все же он сумел подняться с кровати и на нетвердых ногах двинулся в ванную. Пока мылся и брился, радио сообщало дневные новости.

– Не будем осмеивать эти усилия, – проговорил репродуктор, когда Фрэнк ненадолго закрыл горячую воду.

«Хорошо, не будем», – хмуро подумал он, зная, что это за усилия.

Все же хотелось усмехнуться, представив, как сердитые крепыши маршируют по красным марсианским пескам, оставляя следы немецких сапог там, где прежде ни разу не ступала нога человека.

Намыливая щеки, Фрэнк декламировал ерническим тоном:

– Gott, Herr Kreisleiter. Ist dies vielleicht der Ort wo man das Konzentrationslager bilden kann? Das Wetter ist so sch?n. Heiss, aber doch sch?n…[14 - Боже мой, господин крейслейтер! Да разве здесь не идеальное место для концлагеря? И погода замечательная. Жарко, правда, но все равно хорошо… (нем.) (Прим. перев.)]

– Цивилизация сопроцветания должна сделать паузу и как следует подумать, стремимся ли мы обеспечить сбалансированное равенство взаимных обязанностей и ответственности в сочетании с вознаграждением…

«Типичный жаргон высшего уровня иерархии», – отметил Фрэнк.

– Нельзя не предвидеть, что сценой, где разыграется новый акт истории человека, к какой бы он ни принадлежал расе – нордической, японской, негроидной… – и так далее, и тому подобное.

– Погодка sch?n[15 - Прекрасная (нем.). (Прим. перев.)], ну просто sch?n, природа – высший класс. Вот только жаль, что нет совсем тут воздуха для нас… – одеваясь, весело напевал он.

Все же факт есть факт: колонизацией планет «Тихоокеанская сфера сопроцветания» не занимается. Она занята, если не сказать увязла, в Южной Америке. Пока немцы деловито начиняют космос гигантскими автоматическими конструкциями, японцы выжигают в глубине Бразилии джунгли и строят для бывших охотников за головами глинобитные восьмиэтажки. Прежде чем от земли оторвется первый японский космический корабль, немцы приберут к рукам всю Солнечную систему. В довоенных учебниках истории можно прочесть, что Германия опоздала к разделу мира. Немцы спохватились, когда другие страны Европы пришивали к своим колониальным империям последние лоскуты.

«Но больше это не повторится, – размышлял Фринк, – они хорошо усваивают науку».

Тут в голову полезли мысли об Африке, о проводимом там нацистами эксперименте. И от этих мыслей на миг прекратила бежать по жилам кровь.

Великая безлюдная руина…

А радио знай ораторствовало:

– …Мы должны с гордостью признать: хотя основное внимание уделяется фундаментальным физическим потребностям населения всех без исключения территорий, все же субдуховные стремления…

Фрэнк выключил репродуктор. Но, немного успокоившись, включил вновь.

«Христа спускаем в унитаз», – подумал он.

Африка. Призраки мертвых племен. Стертых с лица земли, чтобы освободить ее… для чего? Кто это знает? Возможно, даже главные архитекторы в Берлине не знают. Нация роботов. Строят не покладая рук. Строят? Черта с два. Сносят! Перемалывают! Троглодиты из палеонтологического музея, мастерящие посуду из человеческих черепов. Все семейство людоедов деловито извлекает содержимое. Сначала сырой мозг, это пища; потом кости из ног, на полезную утварь. Представьте, какая экономия: сожрать недруга из его собственного черепа. Какой высокий полет инженерной мысли! Лаборатория одного из берлинских университетов, питекантропы в стерильных белых халатах выясняют экспериментальным путем, для чего можно использовать человеческие черепа, кожу, уши, жир. Ja, Herr Doktor[16 - Да, господин доктор (нем.). (Прим. перев.)]. Найдено новое применение большому пальцу ноги: из сустава получится деталь для зажигалки. И если только герр Крупп способен наладить массовое производство…

Фрэнк ужаснулся, представив, как древний великан-каннибал снова процветает, снова владычествует над миром.

«Миллион лет мы пытались от него убежать, – подумал Фринк, – но он все же вернулся. И теперь он не просто враг, а хозяин».

– …Достойно нашего сожаления, – говорило радио голосом какого-то токийского желтопузика.

«Господи, – подумал Фринк, – мы их называли мартышками, этих цивилизованных кривоногих недомерков. А ведь они строили газовые печи не чаще, чем перетапливали собственных жен на сургуч!»

– …И мы в последнее время часто сожалеем об ужасном расточении человеческих жизней в этой фанатичной борьбе, о том, что огромные массы людей оказываются вне правового сообщества…

Да, япошки – известные законники.

– …Цитатой из популярного на Западе святого: «Какая польза человеку, если он приобретет весь мир, а душе своей повредит?»[17 - Евангелие от Матфея, 16:26. (Прим. перев.)]

Радио умолкло, пальцы Фрэнка замерли на узле галстука. Наступило время утреннего омовения.

«Надо договариваться с ними, – решил он. – Пусть даже попаду в черный список. Выжить можно только на японской территории. На Юге или в Европе, да где угодно в рейхе, мне сразу крышка. Значит, надо как-нибудь поладить со стариной Уиндемом-Мэтсоном».

Он сел на кровать, утвердил рядом чашку тепловатого чая и снял с полки «И-цзин». Из кожаного футляра вынул сорок девять стеблей тысячелистника. Сосредоточивался до тех пор, пока не обрел способность полностью контролировать мысли и правильно формулировать вопросы.

– Как подойти к Уиндему-Мэтсону, чтобы договориться с ним на достойных условиях? – произнес он вслух.

Записал вопрос в блокноте, а затем перебрасывал черенки с ладони на ладонь, пока не получил первую черту. «Шестерка». Сразу отпала половина из шестидесяти четырех гексаграмм. Он отложил часть стебельков и получил вторую черту. А вскоре в блокноте появились и остальные четыре – опыта в гадании на «Книге перемен» Фрэнку было не занимать.

Перед ним лежала гексаграмма, и не нужно было сверяться с книгой – текст пятнадцатой он знал наизусть. Цянь, «Смирение». Ага: «Смирение. Развитие. Благородному человеку предстоит завершение»[18 - Ю. К. Шуцкий. Китайская классическая «Книга перемен». (Прим. перев.)]. Добрый знак. Оракул дал желаемый совет.

Все же Фрэнк слегка разочаровался. Было что-то приторно глуповатое, ханжеское в пятнадцатой гексаграмме. Конечно, надо быть скромным. Наверное, в этом суть пророчества. Как ни крути, он, Фрэнк, на старину У.-М. никакого влияния не имеет. Не может убедить, чтобы взял обратно на работу. Все, что он может, это послушаться пятнадцатой гексаграммы: просить, надеяться, ждать и верить. Глядишь, небеса вернут его на прежнюю должность или даже кое-что получше предложат.

Читать афоризмы к другим чертам он не стал – бессмысленно, ведь гексаграмма статична. Решил перейти к следующему вопросу. И произнес вслух, вновь сосредоточившись:

– Увижу ли я когда-нибудь Джулиану?

Фрэнк спрашивал о своей жене. Вернее, о бывшей жене. Год назад Джулиана развелась с ним, и вот уже несколько месяцев они не встречались. Он даже не знал, где она живет – скорее всего, покинула Сан-Франциско. А возможно, и ТША. Общие друзья не имели от нее вестей или не хотели ему говорить.

Он увлеченно гадал, не отрывая глаз от стеблей тысячелистника. Сколько раз он пытался узнать о Джулиане, задавая разные вопросы об одном и том же?

Вот она, гексаграмма, созданная случайными расположениями сухих черенков. Случайными, но при этом коренящимися в прожитом им Моменте, когда его жизнь соединялась со всеми другими жизнями и со всеми частицами во вселенной. Сочетание прерванных и сплошных черт – не просто рисунок, а истинная ситуация. Он, Джулиана, фабрика на Гаф-стрит, управляющие этой страной Торговые миссии, освоение планет, миллиард кучек химических элементов в Африке – уже даже не трупы; помыслы и чаяния тысяч обитателей перенаселенных трущоб Сан-Франциско, полоумные твари в Берлине с их бесстрастными физиономиями и маниакальными планами – все соединил Момент, когда Фрэнк бросил стебельки, обращаясь к древнему источнику

мудрости, книге, появившейся еще в тринадцатом веке до нашей эры, книге, вобравшей в себя пятитысячелетний опыт китайских философов, отшлифованную до идеала космологию, – задолго до того, как Европа научилась делению столбиком.

И вот – шесть линий на странице. Он упал духом. Сорок четыре. Гоу. «Перечение. У женщины сила. Не надо брать жену»[19 - Ю. К. Шуцкий. Китайская классическая «Книга перемен». (Прим. перев.)]. Опять выпадает эта гексаграмма, и опять она связана с Джулианой.

«Ой-вэй, – подумал он, успокаиваясь. – Да, знаю: она мне не подходит. Но ведь я спрашивал не об этом. Зачем оракулу понадобилось напоминать? Эх, злая моя судьба – встретить ее, влюбиться и до сих пор не разлюбить».

Джулиана – самая красивая из его бывших жен. Черные как сажа брови и кудри, испанская кровь, выдающая себя в оттенке кожи и яркости губ. Упругая, бесшумная походка. Она носила бело-коричневые кожаные туфли, старенькие, еще со школы. Да и вся ее одежда была изношенной, застиранной. Проклятая бедность – такой яркой женщине приходилось одеваться в хлопчатобумажный джемпер, суконный жакет на молнии, юбку из коричневого твида и короткие носочки. И она злилась на Фрэнка и на себя, говоря, что выглядит так, будто собралась играть в теннис или того хуже – собирать в лесу грибы.

Фрэнка, когда он сошелся с Джулианой, больше всего притягивало ее сумасбродство. А еще загадочная улыбка Моны Лизы, сбивавшая с толку незнакомых мужчин – пока они гадали, можно ли на эту улыбку ответить приветствием, женщина грациозно проскальзывала мимо. И была она столь обаятельна, что мужчины все-таки чаще здоровались, чем молчали. Поначалу Фрэнк списывал это на ее слабое зрение, но потом стал считать такую манеру невольным проявлением тщательно маскируемой глупости. И в конце концов эта привычка неизвестно для чего давать посторонним мужчинам надежду, как и привычка внезапно отлучаться по каким-то там таинственным делам и возвращаться без объяснений, стала злить его. Но даже перед самым расставанием, когда они часто ссорились, он считал ее не чем иным, как уникальным божьим творением, в самом прямом смысле этих слов, – творением, сошедшим в его жизнь по соображениям, которые так и останутся загадкой. То ли интуитивное понимание небесной сущности Джулианы, то ли просто слепая вера не позволяли ему смириться с потерей этой женщины. Все время казалось, она где-то рядом, как будто и не уходила. Или как будто ее тень бродит по

комнате – Джулиана постоянно искала то одну, то другую вещь. И тень делалась плотнее, стоило Фрэнку взять в руки оракул.

Сидя на кровати в окружении холостяцкого беспорядка, Фрэнк Фринк подумал о том, кто еще в громадном и сложном Сан-Франциско в этот самый миг обращается к оракулу за советом. И какой ответ получит он? Неужели такой же мрачный? Неужели и для него столь же неблагоприятны обстоятельства Момента?

Глава 2

Как раз в эту минуту обратиться к священной Пятой книге конфуцианской мудрости, к даосскому оракулу, носящему в веках имя «И-цзин», или «Книга перемен», решил господин Нобусукэ Тагоми. Около полудня у него появились тревожные мысли насчет встречи с мистером Чилденом, до которой оставалось менее двух часов.

Его офис располагался на Тэйлор-стрит, занимая двенадцатый этаж здания «Ниппон таймс», возвышавшегося над заливом. Стеклянные стены открывали вид на суда, проходящие под мостом Золотые Ворота. Как раз сейчас за Алькатрасом появился сухогруз, но господину Тагоми было не до него. Подойдя к стене, он потянул за шнур и опустил бамбуковые жалюзи. Просторный кабинет заполнился приятным сумраком, теперь не надо щуриться от резкого света, и размышлять легче.

«Не в его силах угодить, – подумал Тагоми о Чилдене. – Что бы он ни принес, впечатления товар не произведет. Следует четко понимать это. Но по крайней мере, у гостя не будет серьезной причины для недовольства. Мы не оскорбим его безвкусицей, выберем самый лучший подарок».

Гость летел шикарной стратосферной ракетой. До посадки в аэропорту Сан-Франциско нового немецкого «Мессершмитта-9Е» оставалось всего ничего. Тагоми ни разу не доводилось путешествовать на подобном лайнере, но все же, догадываясь, сколь эффектное зрелище его ожидает, он дал себе слово встретить Бэйнса с самым невозмутимым видом. Решив потренироваться, он встал перед большим, от пола до потолка, зеркалом, изобразил на лице

равнодушие и полускуку, вгляделся, не выдает ли какая-нибудь черточка его истинных чувств.

«Очень уж шумно, мистер Бэйнс. Не почитаешь. Конечно, скорость впечатляет: от Стокгольма до Сан-Франциско за каких-то сорок пять минут».

А может, упомянуть о частых авариях немецкой техники?

«Мистер Бэйнс, а вы слышали по радио о мадагаскарском крушении? Все-таки надежные поршневые моторы заслуживают доброго слова…»

Никаких разговоров о политике. Ведь Тагоми не знает ровным счетом ничего о взглядах и убеждениях мистера Бэйнса. Известно, что он швед, нейтрал, но все же… Сюда летит рейсом «Люфтганзы», а не SAS[20 - Шведская авиакомпания SAS (Scadinavian Airlines System, «Скандинавские авиалинии») в нашем мире действует с 1946 г. (Прим. перев.)]. Мера предосторожности?

«Мистер Бэйнс, говорят, герр Борман серьезно болен, и осенью Партай[21 - Partei – партия (нем.). Здесь – германская Национал-социалистическая рабочая партия, НСДРП (NSDAP; National-Sozialistische Deutsche Arbeiterpartei). (Прим. перев.)] предстоит выбирать нового рейхсканцлера. Думаете, слухи? Ох уж эта секретность, как же она усложняет отношения между Тихоокеанией и рейхом…»

В его письменном столе лежала папка с вырезкой из «Нью-Йорк таймс». Последнее интервью Бэйнса. Господин Тагоми достал его и приступил к изучению; из-за неважных контактных линз приходилось сильно сутулиться.

Бэйнс говорил о необходимости новой разведки (это которая уже, девяносто восьмая?) запасов воды на Луне.

«Мы должны наконец решить эту досадную проблему, – заявлял он. – Луна – ближайшая наша соседка, но пока она пригодна только для маловыгодных военных целей».

«Sic![22 - Так! (лат.) (Прим. перев.)] – мелькнуло в голове Тагоми латинское словечко, которым любят блеснуть аристократы. – Вот он, ключик к мистеру Бэйнсу. На тупую военщину этот швед смотрит косо».

Господин Тагоми мысленно завязал узелок на память и нажал кнопку селектора.

– Мисс Африкян, прошу зайти ко мне с диктофоном.

Дверь кабинета отъехала в сторону, и появилась мисс Африкян, высокая армянка с каштановыми волосами. Сегодня ее прическу украшали светло-фиолетовые соцветия.

«Сирень», – отметил Тагоми.

Когда-то на родном Хоккайдо он профессионально занимался цветоводством.

Мисс Африкян поклонилась.

– Ваш двухдорожечный «Спидмастер» к бою готов?

– Да, господин Тагоми.

Она уселась в кресло и включила портативный, на батарейке, ленточный магнитофон.

– Я спросил у оракула, – начал Тагоми, – принесет ли пользу моя встреча с мистером Чилденом. И был глубоко разочарован, получив зловещую гексаграмму Да-го. «Переразвитие великого. Стропила прогибаются. Благоприятно иметь куда выступить»[23 - Ю. К. Шуцкий. Китайская классическая «Книга перемен». (Прим. перев.)]. Несомненно, я удаляюсь от Дао.

Шуршала лента диктофона.

Тагоми задумался. Выжидающе глядя на него, мисс Африкян прекратила запись.

– Попросите мистера Рэмси зайти на минутку, – распорядился Тагоми.

– Да, господин Тагоми.

Секретарша отложила диктофон и, стуча каблучками, вышла из кабинета.

На пороге возник мистер Рэмси с толстой папкой под мышкой, молодой, улыбчивый. Пижонский галстук-шнурок из Соединенных Штатов Равнин Среднего Запада, ковбойка, облегающие синие джинсы без ремня – самый высокий крик самой высокой моды.

– Здравствуйте, господин Тагоми, – поздоровался Рэмси. – Отличный денек выдался, сэр.

Господин Тагоми поклонился. Спина юноши сначала напряглась, затем согнулась в ответном поклоне.

– Я советуюсь с оракулом, – сообщил ему Тагоми, когда мисс Африкян вновь села и взяла диктофон. – Вы уже в курсе, что вскоре нас посетит мистер Бэйнс. Вероятно, он придерживается нордической идеологии и сквозь ее призму смотрит на так называемую восточную культуру. Можно было бы открыть ему глаза на истинное положение вещей с помощью подлинных китайских орнаментов или керамики эпохи Токугава[24 - Эпоха Токугава (1603–1867) – период правления сёгунов из Дома Токугава, крупнейших феодалов, опиравшихся на вассальных князей-даймё и сословие воинов-самураев. Абсолютистское правление сёгунов, с одной стороны, изолировало Японию, но с другой – обеспечило ей долговременный мир, экономический подъем и расцвет искусств. (Прим. перев.)], но мы не уполномочены обращать его в свою веру.

– Понимаю, – кивнул Рэмси. Его красивое европеоидное лицо исказилось от мучительной мысленной работы.

– Так что данью его предубежденности станет дорогой предмет американской культуры.

– Понятно.

– Сэр, вы по происхождению американец, но почему-то постарались сделать свою кожу более темной. – Тагоми внимательно рассматривал юношу.

– Загар от кварцевой лампы, – пробормотал Рэмси. – Говорят, от него повышается содержание витамина В. – Но юноше не удалось скрыть свое унижение. – Сэр, уверяю, я не потерял родственные связи с… – Рэмси замялся, не

находя правильных слов. – Я вовсе не порывал с культурой моего народа.

– Продолжим, пожалуй, – сказал Тагоми секретарше, и диктофон снова зашелестел. – Обратившись к оракулу, я получил гексаграмму двадцать восемь, Да-го. Хочу обратить особое внимание на неблагоприятную пятую черту. Афоризмы таковы: «На иссохшем тополе вырастают цветы. Старая женщина получает этого служивого мужа. Хулы не будет. Хвалы не будет»[25 - Ю. К. Шуцкий. Китайская классическая «Книга перемен». (Прим. перев.)]. Это со всей определенностью означает, что в два часа мистер Чилден не предложит нам ничего подходящего. Посмотрим правде в глаза. Полагаться на свое суждение о предметах американской культуры я не могу. Вот почему… – Тагоми помолчал, подбирая слова. – Вот почему мне понадобился местный житель, американец по происхождению, то есть вы, мистер Рэмси. Согласитесь, мы должны сделать все от нас зависящее.

Рэмси не ответил. Как он ни старался, скрыть боль, гнев, обиду и разочарование не удалось.

– После этого, – продолжал Тагоми, – я задал оракулу еще один вопрос. Из политических соображений я не хотел доводить его до вашего сведения, мистер Рэмси.

Юноше следовало это понимать так: вам и вашим буратинам ни к чему знать важные секреты японцев.

– Но полученный ответ оказался весьма странным, и мне пришлось крепко задуматься.

Мистер Рэмси и мисс Африкян напряженно внимали.

– Это имеет отношение к мистеру Бэйнсу, – пояснил Тагоми.

Подчиненные кивнули.

– Благодаря тайному действию Дао я получил в ответ гексаграмму Шен, сорок шесть. Хороший прогноз. На первом месте «шестерка», вторая черта – «девятка». Пройдет ли наша с мистером Бэйнсом встреча успешно, вот о чем я

спросил. И «девятка» на втором месте обещала положительный результат. «Будь правдивым, и тогда это будет благоприятствовать приношению незначительной жертвы. Хулы не будет»[26 - Ю. К. Шуцкий. Китайская классическая «Книга перемен». (Прим. перев.)].

Вероятно, мистера Бэйнса удовлетворит любой подарок, врученный ему от лица Торговой миссии ее высокопоставленным представителем господином Тагоми. Но господин Тагоми, обращаясь к оракулу, сам того почти не осознавая, хотел выяснить кое-что еще. Как это нередко бывает в таких случаях, «И-цзин» ответил на оба вопроса, причем второй, подсознательный, был сочтен более важным.

– Насколько нам известно, – вновь заговорил Тагоми, – Бэйнс везет подробный доклад о недавно сконструированных в Швеции пресс-формах для литья под давлением. Если удастся заключить договор с его фирмой, мы сможем заменить пластмассами многие дефицитные металлы.

Тихоокеания много лет убеждала рейх помочь ей с развитием производства синтетических материалов. Но крупнейшие химические картели Германии, такие как «ИГ Фарбен», крепко держались за свои патенты. По сути, они создали мировую монополию на пластмассы и особенно дорожили секретами производства полистиролов. Рейх вполне устраивало, что Тихоокеания плетется у него в хвосте, отставая по части технологий лет на десять. Взлетавшие с космодромов Festung Europa[27 - Европейская твердыня (нем.). (Прим. перев.)] ракеты почти целиком состояли из жаростойких пластмасс – легких, но настолько прочных, что выдерживали удар метеорита. Ничем подобным Тихоокеания не располагала, японцам по-прежнему приходилось использовать в авиастроении природные материалы, такие как растительные волокна, в частности древесину, и металлические сплавы.

Тагоми нахмурился от таких мыслей. Ему доводилось видеть на промышленных ярмарках некоторые плоды германской инженерной мысли, в том числе цельносинтетический автомобиль DSS – Der schnelle Spuk[28 - «Быстрый призрак» (нем.). (Прим. перев.)], стоивший шесть тысяч долларов TLLIA.

Вопрос, не предназначенный для ушей буратин из штата Торговой миссии, но считанный оракулом прямо из мозга господина Тагоми, касался особы Бэйнса. Возник он после того, как из Токио пришла шифрованная каблограмма[29 - Каблограмма – телеграмма, передаваемая по подводному кабелю связи. (Прим.

ред.)]. Секретные депеши поступали к Тагоми нечасто и в основном касались интересов безопасности, а не торговли. Высокое начальство использовало шифр метафорического типа, состоящий из поэтических аллюзий, – контрразведчики рейха могли разгадать буквенные комбинации любой сложности, но толкование литературных образов представляло для них серьезную проблему. Тагоми не сомневался, что токийские власти остерегались именно немцев, а не мнимых оппозиционных сил на Родных островах, ибо ключевая фраза «В его диету входит снятое молоко» подразумевала «Фартук», грустную песенку, утверждавшую, что снятое молоко притворяется сливками, то есть на самом деле вещи редко таковы, какими выглядят.

«И-цзин» только подтвердила это предположение. В комментарии говорилось: «Подразумевается сильный человек. Пусть он не соответствует своему окружению ввиду того, что слишком резок и мало внимания уделяет формальностям. Но, обладая прямым характером, он встречает отклик»[30 - Отрывок взят из английского классического издания «И-цзин», то есть немецкоязычной версии Р. Вильгельма, переведенной К. Бэйнс и послужившей автору «Человека в Высоком замке» основой для построения сюжета. Не совпадает по смыслу с использованной Ф. Диком цитатой комментарий Ю. Шуцкого: «Умение подыматься правильно – это самое главное свойство, которое является иной формой внутренней правдивости, отмечаемой на второй позиции. При подъеме совершенно не существенно, сколько жертв человеком будет вложено в этот подъем. Существенно только правильное его проведение и движение неуклонно вверх». (Прим. перев.)].

Из этого следовал вывод: Бэйнс не тот, за кого себя выдает, и прибывает в Сан-Франциско не за тем, чтобы подписывать договоры о поставке пресс-форм. Но как Тагоми ни ломал голову, он не мог догадаться, кому служит этот шпион и с какими целями прибывает.

В час сорок Роберт Чилден с огромной неохотой повесил замок на дверь «Американских художественных ремесел», подтащил тяжелые саквояжи к проезжей части, остановил велотакси и велел доставить его к зданию «Ниппон таймс».

– «Ниппон таймс», – повторил, как полагалось, исхудалый, сутулый и потный китаеза и с трудом загрузил в кузов тяжелый багаж. Затем рикша помог Чилдену добраться до прикрытого ковром сиденья, включил счетчик, устроился

на седле и налег на педали.

Такси двинулось по Монтгомери-стрит, лавируя меж легковушек и автобусов.

Глядя на проплывающие мимо здания, Чилден испытывал раздражение и усталость. Полдня потрачено на поиски вещи для господина Тагоми. Но все же – победа! Пришлось здорово похлопотать, зато найден отличный подарок, японец должен сменить гнев на милость, а его клиент будет на седьмом небе от счастья.

«Мои заказчики всегда получают то, что хотят», – с гордостью подумал Чилден.

Это сущее чудо, что удалось раздобыть почти идеально сохранившийся экземпляр самого первого номера «Тип-топ комикс», забавного журнальчика, выходившего в тридцатых годах. Теперь этот предмет искусства, яркий образчик культуры «Американа» и объект вожделения коллекционеров, уложен в кожаный футляр, обернут коричневой бумагой и заточен в самый большой саквояж. Разумеется, Чилден везет и другие вещи – не начинать же, в самом деле, с комиксов. Нет, сначала он хорошенько раздразнит аппетит японца.

Радио рикши извергало популярные мелодии, соревнуясь в громкости с приемниками других веломобилей, легковых машин и автобусов. Чилден не вслушивался – давно привык. Не замечал он и огромных, круглосуточно горящих неоновых вывесок и реклам, за которыми терялся фасад почти каждого крупного здания. Такая же вывеска мигала ночами и над его магазином. А иначе как привлечь покупателей? Приходится быть реалистом.

Чилдена даже убаюкивали голоса радио, шум транспорта, сверкание реклам и мельтешение прохожих, отвлекая от душевных тревог и забот. Да и разве не удовольствие, когда тебя везет другое человеческое существо и ты чувствуешь легкую дрожь – это усилия мускулов рикши передаются механизму.

«Как машина для релаксирующего массажа», – подумал Чилден.

Приятно все-таки, когда не ты везешь, а тебя везут. Приятно хоть недолго побыть господином.

Он встрепенулся: нельзя дремать перед столь важной встречей, надо о многом подумать. Подходяще ли он одет для визита в «Ниппон таймс»? А вдруг в скоростном лифте закружится голова? Впрочем, это не страшно – в кармане лежат немецкие таблетки от укачивания.

Ко всем обращаться соответственно, напомнил он себе. К этим – вежливо, к тем – грубо. Со швейцаром, лифтером, портье, гидом и прочей мелкой сошкой не церемониться. Каждому японцу кланяться, даже если придется сгибаться сто раз кряду. Но как вести себя со служащими-буратинами? Это он представлял себе смутно.

«Ладно, – решил Чилден, – буду кивать, но с рассеянным видом, будто едва их замечаю».

Ничего не упущено? А если попадется иностранец? Говорят, в Торговой миссии часто можно встретить немца или нейтрала.

А еще там можно увидеть раба.

В порт Сан-Франциско то и дело заходят суда немцев и южан; случается, черномазых ненадолго отпускают группками не более трех человек на берег, и, конечно, днем, ведь даже в Тихоокеании для негров действует комендантский час. Бывает, их селят на какое-то время в ночлежках под причалами. Им не полагается заходить в Торговые миссии, но нередко их берут туда в качестве носильщиков. Кстати, разве можно явиться к Тагоми, собственноручно неся саквояжи? Ни в коем случае! Надо во что бы то ни стало отыскать невольника, пусть даже придется на час опоздать. Если его, Чилдена, увидят в Торговой миссии с багажом в руках, это будет непростительной ошибкой. Потеря авторитета – опасная вещь.

«Вообще-то я бы охотно вошел в «Ниппон таймс» с саквояжами среди бела дня, – размышлял Чилден. – Сделал бы резкий жест. В тюрьму за такое, конечно, не посадят – в этом нет ничего противозаконного. Но зато я бы продемонстрировал свои истинные чувства, обиду человека, у которого нет общественной жизни… Я бы смог на это решиться, – сказал он себе, – если бы кругом не сновали проклятые черные рабы. Можно стерпеть косые взгляды знати – в конце концов, с ее спесью я сталкиваюсь каждый день. Но испытывать на себе презрение черни, вроде этого китайца, крутящего педали, выше моих сил. Не поймай я

велотакси, подобные ему голодранцы любовались бы, как я тащусь с саквояжами по улице…»

В том, что жизнь такова, виновата, конечно, проклятая немчура – вечно норовит откусить больше, чем способна проглотить. С огромными потерями немцы выиграли войну и не успели очухаться, как ринулись покорять Солнечную систему. А на родной планете ввели законы, которые… Впрочем, замысел был неплох, и, надо признать, немцы лихо разделались с евреями, цыганами и христианскими сектами. Славян они отбросили на два тысячелетия назад, на их прародину Азию. Ну и правильно, без славян в Европе как-то спокойнее. Пусть себе ездят на яках и охотятся с луками. Зато теперь в любом книжном магазине, в любой библиотеке можно полистать изданный в Мюнхене толстый полноцветный журнал и полюбоваться, как синеглазые белокурые арийцы-фермеры пашут, сеют и жнут на полях всемирной житницы Украины. Вооруженные до зубов новейшей техникой, эти ребята выглядят счастливчиками, а их фермы и коттеджи чисты и ухоженны. В таких журналах не увидишь поляка с опухшей от пьянства рожей, понуро сидящего на гнилом крыльце своей лачуги или ворующего гнилую репу на деревенском рынке. Он ушел в прошлое, как и ухабистые грунтовые дороги, на которых, стоило зарядить дождям, намертво вязли колеса телег.

И еще – Африка. Вот где они развернулись с энтузиазмом, достойным восхищения. Хотя, будь немцы чуть предусмотрительнее, они бы сначала завершили проект «Фармлянд»[31 - Страна ферм (нем.). (Прим. ред.)]. Воистину, это зримое воплощение нацистского гения; вот где германец смог показать себя истинным художником! Запрудить и осушить Средиземное море, а затем с помощью атомной энергии превратить его в сельскохозяйственные угодья – какая смелость, какой размах! Все насмешники, в том числе некоторые брюзгливые лавочники на Монтгомери-стрит были посрамлены. В Африке немцы показали себя молодцами, но, к сожалению, подобные грандиозные мероприятия всегда сопровождаются зловещими слухами. А началось все в пятьдесят восьмом, с нашумевшей брошюры Розенберга: «Что касается окончательного решения африканской проблемы, мы почти достигли своих целей, но, к сожалению…»

И все-таки на то, чтобы избавиться от аборигенов, американцам понадобилось два века, а наци в Африке получили практически те же результаты за пятнадцать лет. Так что скепсис здесь неуместен. Недавно за завтраком Чилден поспорил со знакомыми бизнесменами, очевидно считавшими, что у немцев есть

волшебная палочка и они в одну минуту могут преобразить мир. Нет у них волшебной палочки, зато есть наука, техника и знаменитая любовь к труду. За любое дело они берутся с огоньком и доводят его до конца. Впрочем, полеты на Марс отвлекли внимание мировой общественности от африканских проблем.

В том достопамятном разговоре с приятелями-коммерсантами последнее слово осталось за Чилденом:

«Что есть у немцев и чего недостает нам, так это величие духа. Можно восхищаться их трудолюбием и рационализмом, но не им обязаны немцы своими успехами, а мечте, не дающей им покоя. Покорение планет! Сначала Луна, потом Марс. Все дальше и дальше… Разве это не древнейшая мечта человечества, не высочайшее стремление к славе? Теперь возьмем японцев. Я прекрасно знаю их натуру, мне через день приходится иметь с ними дело. Что ни говори, а они – азиаты. Желтые. Мы, белые, вынуждены кланяться им, поскольку они – власть. Но, глядя на Германию, мы видим, какие вершины способна покорить белая раса…»

– Подъезжаем к «Ниппон таймс», сэр, – сообщил рикша. Его грудь бурно вздымалась – веломобиль только что преодолел крутой подъем и теперь сбросил скорость.

Чилден попробовал представить клиента господина Тагоми. Наверняка какая-нибудь шишка – он перестал в этом сомневаться, услышав по телефону возбужденный голос японца.

В этой связи он вспомнил одного очень важного клиента, точнее, посетителя его магазина, благодаря которому «Американские художественные ремесла» приобрели репутацию в кругу ряда высокопоставленных жителей района залива Сан-Франциско.

Всего четыре года назад Чилден содержал не престижный антикварный магазин, а крошечную букинистическую лавку на бульваре Гири – темную, тесную. В соседних магазинчиках торговали подержанной мебелью и скобяными товарами, рядом примостилась прачечная. Приятное соседство, нечего сказать. Ночами на улице кого-то грабили, а то и насиловали, хотя департамент полиции Сан-Франциско и даже шефствующая над ним кэмпетай – японская жандармерия – не жалели сил на борьбу с преступностью. После закрытия лавки

окна приходилось забирать железными решетками, иначе не избежать вторжения.

И вот как-то раз в этот район забрел старый отставной офицер японской армии, майор Ито Хумо – высокий, седой, с отменной выправкой и твердой поступью. Он и натолкнул Чилдена на мысль, какой торговлей заняться.

«Я коллекционер», – пояснил майор Хумо.

Он полдня провел, роясь в кипах старых журналов. Прислушиваясь к его неторопливой рассудительной речи, Чилден понял удивительную вещь: оказывается, многих состоятельных, образованных японцев наряду с обычным антиквариатом интересуют предметы уходящей в историю «американской популярной культуры». Сам майор любовно собирал журналы с рекламой американских медных пуговиц, да и пуговицы тоже. Подобно любому коллекционеру монет или марок, Хумо не смог бы объяснить, почему в нем родилась эта страсть, но утверждал, что богачи не жалеют денег на самые, казалось бы, бесполезные вещи.

«Приведу пример, – говорил он. – Вам известно, что такое «Ужасы войны»? Я имею в виду вкладыши».

Чилден порылся в памяти. Да, когда он был маленьким, эти картинки распространялись вместе с жевательной резинкой, по центу штука. Их была целая серия, каждый вкладыш посвящен конкретному «ужасу». Хумо с плохо скрываемой алчностью следил за его лицом.

«Мой близкий друг собирает «Ужасы войны», – продолжал японец. – Осталось найти только «Гибель «Паная»[32 - В ходе японо-китайской войны 12 января 1937 г. группа японских самолетов атаковала канонерку США «Панай», сопровождавшую три американских танкера на реке Янцзы. В течение получаса тонущий корабль был оставлен экипажем. (Прим. перев.)]. Он готов хорошо заплатить».

«Перевертыши», – сказал вдруг Чилден.

«Простите?»

«У нас была такая игра. Если вкладыш положить на ладонь и щелкнуть по краю, он переворачивается и ложится либо лицевой стороной, либо рубашкой. Каждый мальчишка носил в кармане пачку «ужасов». Играли вдвоем; чей вкладыш падал картинкой вверх, тот и выигрывал».

Чилдену в ту пору было восемь лет. Как все-таки приятно вспомнить далекие счастливые дни детства!

Подумав, Хумо произнес: «Странно. Мой приятель не рассказывал ничего подобного. Возможно, просто не знает».

Вскоре друг майора Хумо, тоже отставной офицер Императорской армии, наведался в книжную лавку за исторической справкой из первых рук. Рассказ мистера Чилдена заворожил его.

«Бутылочные крышки!» – неожиданно воскликнул Чилден.

Японец непонимающе заморгал.

«В детстве мы собирали крышки от молочных бутылок, – пояснил торговец. – Круглые такие, с названиями фирм-производителей. В Соединенных Штатах были тысячи молокозаводов, и для каждого выпускались свои крышки».

В глазах отставника зажегся охотничий инстинкт: «Вы располагаете подобной коллекцией, сэр?»

Разумеется, Чилден не располагал, но… возможно, у кого-нибудь сохранились забавные кругляшки, напоминающие о довоенных временах, когда молоко разливали в стеклянные бутылки, а не в одноразовые картонные коробки.

Так, мало-помалу, он втянулся в новый бизнес. Позже в стране стали появляться другие такие магазины, ибо день ото дня все больше японцев увлекалось «Американой»… Но Чилден всегда ухитрялся опередить конкурентов.

– С вас доллар, сэр. – Голос рикши вывел его из задумчивости. Оказывается, китаец уже выгрузил чемоданы.

Чилден рассеянно заплатил.

«Да, вполне вероятно, что клиент Тагоми похож на майора Хумо, во всяком случае, похож для меня», – подумал он.

Чилден встречал немало японцев, но до сих пор не научился их толком различать, поэтому для удобства делил на разновидности. Одни, мускулистые коротышки, напоминали ему борцов, другие – аптекарей, третьи – садовников… Встречались и непохожие на японцев, особенно среди молодежи. Наверное, клиент Тагоми – осанистый делец, курит филиппинские сигары.

Стоя перед зданием «Ниппон таймс», Чилден вдруг обмер от неожиданной мысли: а вдруг клиент – иностранец?! Вещи, заботливо уложенные в саквояжи, рассчитаны на вкус японца.

«Не может быть, – успокоил себя Чилден. – Наверняка японец. Иначе зачем было Тагоми заказывать вербовочный плакат времен Гражданской войны? Кому еще нужен такой хлам? Японцы обожают тривиальщину. Только этот законопослушный до крайности народ способен благоговеть перед документами, прокламациями и рекламой».

Чилден знавал одного чудака, собиравшего вырезки из газет начала века, где расхваливались американские патентованные средства.

Впрочем, все это пустяки. Впереди у него безотлагательные дела.

Высокие двери «Ниппон таймс» постоянно впускали и выпускали хорошо одетых мужчин и женщин; их голоса достигли ушей Чилдена и побудили его двигаться дальше. Но прежде чем направиться к подъезду, он задрал голову. Стеклянная стена уходила в небо. «Ниппон таймс билдинг», самое высокое здание Сан-Франциско, сказочный шедевр японской архитектуры, стояло в окружении парков с карликовыми вечнозелеными кустами, валунов и карэсансуй, причем имитация «сухого сада» была выполнена столь искусно, что петлявшая между обнаженными корнями и уложенными в «естественном беспорядке» плоскими камнями желтая змейка песка выглядела очень правдоподобно.

Чилден увидел черного носильщика с пустыми руками и подозвал его. Негр подбежал, подобострастно улыбаясь.

– Двадцатый этаж. – Чилден указал на саквояжи и добавил, стараясь, чтобы голос звучал как можно резче: – Апартаменты В. И побыстрее!

Он решительно направился к дверям. Разумеется, не оглядываясь.

Спустя секунду он оказался в битком набитой кабине скоростного лифта. Почти все пассажиры были японцы, их чисто выбритые подбородки сияли в ярком свете ламп. Тошнотворный рывок, и Чилдена понесло сквозь стремительно мелькающие этажи. Он закрыл глаза и получше утвердился на ногах, молясь, чтобы подъем закончился быстрее.

«Носильщик, конечно, поднимается на грузовом лифте, – мелькнуло в мозгу. – Еще бы, кто пустит сюда черномазого?..»

Он открыл глаза и окинул кабину взглядом. Белых в лифте было раз-два и обчелся.

Выходя на площадку двадцатого этажа, Чилден уже мысленно кланялся, готовясь к встрече с Тагоми.

Глава 3

Подняв глаза к закатному небу, Джулиана Фринк увидела крошечный огонек, прочерчивающий широкую дугу к западу.

«Нацистская ракета, – подумала она. – Летит к побережью. В ней полным-полно всяких шишек. А я здесь, внизу».

Она помахала вслед, хотя ракетоплан уже исчез.

Тени Скалистых гор подступали все ближе. Синие вершины растворялись в ночи. Вдоль гряды медленно проплывала в сумраке стая перелетных птиц. У проносившихся мимо машин загорались фары, и вскоре по шоссе потянулась цепочка двойных огоньков. Вспыхнули лампы бензоколонки, засветились окна

домов.

Несколько месяцев Джулиана жила в Каньон-Сити, штат Колорадо, работая инструктором дзюдо. На сегодня тренировки закончились, и она хотела принять душ, чтобы снять усталость. Но все душевые кабинки «Спортзала Рэя» были заняты, пришлось ждать снаружи, наслаждаясь тишиной, прохладой и горным ветерком. Слышался только слабый рокот громадного дизельного грузовика, остановившегося у придорожной закусочной.

«Помнится, Дизель выбросился из иллюминатора своей каюты в Атлантике, покончил с собой[33 - Рудольф Дизель (1858–1913) – немецкий инженер и изобретатель, создатель дизельного двигателя. В сентябре 1913 г. при загадочных обстоятельствах исчез с борта парохода «Дрезден», следовавшего из Антверпена в Лондон. Тело было обнаружено через несколько недель немецкими рыбаками. (Прим. перев.)]. Может, последовать его примеру? Не получится – далеко до океана. Хотя способ всегда найдется… Например, заколоться, как шекспировская героиня. Воткнуть спицу прямо через блузку, и – прощай, Фринк. Девчонка, которой не страшны даже бродяги-мародеры из пустыни, которая ходит с высоко поднятой головой, потому что умеет ловко заламывать брызжущих слюнями противников. В самом деле, не лучше ли умереть, чем всю жизнь дышать выхлопными газами в придорожном городишке? Это у меня от японцев, – решила она. – Вместе с прибыльным дзюдо я переняла у них спокойное отношение к смерти. Умение убивать, умение умирать. Ян и инь. Но все это позади. Я в протестантской стране».

Все-таки на душе спокойнее, когда ракеты нацистов проносятся над головой, а не садятся поблизости. К счастью, немцам нет дела до Каньон-Сити и Колорадо. Как и до Юты, Вайоминга и восточной части Невады – малонаселенных штатов, где одни пустыни, горы да пастбища.

«Тут нечем поживиться, – сказала она себе, – поэтому каждому позволено прожить свою жалкую жизнь. Если он захочет. Если жизнь для него что-то значит».

Она услышала, как открывается дверь одной из кабинок. Вышла мисс Дэвис, полноватая молодуха, одетая, со свертком под мышкой.

– О, вы ждали, мисс Фринк? Простите.

– Ничего.

– Мисс Фринк, хочу вам сказать, что дзюдо – это великолепно. Оно мне дает даже больше, чем дзен.

– «Хотите стройные бедра – вам поможет дзен, – процитировала Джулиана. – Потеряйте лишние фунты в безболезненных сатори»[34 - Сатори – в дзенской традиции самая главная цель религиозной практики, измененное состояние сознания, в котором адепт сливается с объектом отождествления (мирозданием), реализует природу Будды, которой изначально обладает любой человек. (Прим. перев.)]. Простите мою рассеянность, мисс Дэвис.

– Вам часто делали больно?

– Кто?

– Япошки. Когда вы у них учились.

– О, это было ужасно. Желаю вам никогда не попадать к ним в лапы. Держитесь подальше от побережья.

– Я еще ни разу не уезжала из Колорадо, – дрогнувшим голосом призналась женщина.

– Они могут и здесь до вас добраться, – предупредила Джулиана. – Вдруг им взбредет в голову оккупировать эту территорию.

– Но война так давно закончилась! – воскликнула Дэвис.

– Откуда нам знать, что у них на уме, – задумчиво произнесла Джулиана. – Японцы – скрытный народ.

– А… что они с вами делали? – с интересом спросила женщина и подступила ближе.

– Все, – ответила Джулиана.

– О господи! Я бы им без боя не далась. – Дэвис обеими руками прижала сверток к телу.

Джулиана попросила извинения, спеша занять кабину: кто-то приближался с полотенцем на плече.

Потом она сидела за столиком «Вкусных гамбургеров Чарли» и без интереса просматривала меню. Из музыкального автомата в углу доносилось что-то фольклорное – гавайская гитара и надрывные стоны. В воздухе стоял запах горелого жира.

Все же у Чарли было тепло и светло, и Джулиана повеселела. Водители около стойки, официантка, хозяин-ирландец в белой поварской куртке, позвякивающий мелочью за кассой…

Заметив ее, Чарли сам подошел, чтобы обслужить.

– Мисси жела-ает ча-аю? – протянул он, ухмыляясь.

– Кофе, – ответила Джулиана, не реагируя на шутливый тон.

– Ах, даже так? – наклонил голову Чарли.

– И горячий стейк-сэндвич с соусом.

– Может, лучше тарелочку супа из крысиных гнезд? Или козлиных мозгов на оливковом масле?

Водители повернулись на вращающихся сиденьях, чтобы поухмыляться заодно с хохмачом. Попутно они смогли полюбоваться внешностью Джулианы. Впрочем, их интерес она чувствовала с первой минуты. Вот уже несколько месяцев она занималась дзюдо и пребывала в отличном тонусе, зная, как благотворно это сказывается на ее фигуре и движениях.

«Все дело в плечевых мышцах, – думала она, встречая мужские взгляды. – У танцовщиц они тоже развиты. А размеры бюста не имеют значения. Присылайте ваших жен в спортзал, и мы их всему научим…»

– Держитесь от нее подальше, – подмигнул хозяин водителям. – А то зашвырнет вас обратно в фуру.

– Откуда вы? – обратилась она к шоферу помоложе.

– Из Миссури, – ответили оба.

– Из Соединенных Штатов? – спросила она.

– Я – да, – ответил старший. – Из Филадельфии. У меня там трое детей, старшему одиннадцать.

– А скажите-ка, у вас легко найти приличную работу?

– Конечно, – ответил молодой водитель. – Если у тебя подходящая кожа.

У него было смуглое лицо и вьющиеся черные волосы. Ответив Джулиане, он сразу нахмурился.

– Макаронник, – пояснил старший.

– Да? – удивилась Джулиана. – А разве Италия не победила в войне?

Она улыбнулась молодому шоферу, но тот на улыбку не ответил. Вместо этого помрачнел еще больше и резко отвернулся.

«Ну, извини, – подумала она, но вслух ничего не сказала. – Если бы от меня зависело, кому рождаться темным, а кому белым… – Ей вспомнился Фрэнк. – Интересно, жив ли? Может, брякнул что-нибудь, чего говорить нельзя? Нет, к япошкам он относится терпимо. Даже с симпатией. Наверное, потому, что они такие же уроды. – Джулиана все время внушала Фрэнку, что он некрасив: крупные поры, большой нос… Ее кожа была идеальной. – Неужто умер один, без меня? Финк – зяблик, птичка-невеличка. Говорят, певчие птахи долго не живут».

– Сейчас поедете? – спросила Джулиана у молодого водителя.

– Завтра.

– Если вам не нравится в Соединенных Штатах, почему не переселитесь? Я уже давно в Скалистых горах, здесь неплохо. А раньше жила на побережье, в Сан-Франциско. Там цвет кожи тоже много значит.

Сгорбившись у стойки, итальянец метнул в нее хмурый взгляд:

– Леди, в вашем городе не то что жить – на одну ночь остаться противно. Господи, чего бы я не отдал за любую другую работу, лишь бы не мотаться месяцами по дорогам и не травиться в таких… – Он умолк, заметив, как побагровели щеки хозяина, и отхлебнул кофе.

– Джо, да ты сноб? – ухмыльнулся его спутник.

– Не перебраться ли вам в Денвер? – предложила Джулиана. – Там гораздо лучше.

«Знаю я вас, восточноамериканцев, – подумала она. – Любите жить с размахом, вынашиваете великие замыслы. Скалистогорские Штаты для вас дыра, да и только. Здесь же ничего не изменилось с довоенной поры. Безработные старики, тупые фермеры. Лень, нищета. Молодежь посмышленее норовит перебраться за восточную границу, легально или нелегально. Ее тянет в Нью-Йорк. Там деньги. Большие деньги, большой бизнес. Германские инвестиции. Благодаря им Соединенные Штаты возродились в считаные годы».

– Вот что, приятель, – зло прохрипел хозяин закусочной, – я не любитель евреев, но тебе так скажу: видел я, как они драпали из ваших Соединенных Штатов в сорок девятом. И если нынче у вас много новостроек и шальных денег, то все это за счет тех, кто был ограблен и вышвырнут из Нью-Йорка нацистами. Мальчишкой я жил в Бостоне и особой пользы от евреев не видел, но если бы мне кто сказал, что в Америке будут действовать нюрнбергские расовые законы, пусть мы и проиграем войну… Вот скажи, почему бы тебе не завербоваться в армию твоих Соединенных Штатов? Сейчас бы готовился захватить какую-нибудь южноамериканскую республику, чтобы потеснить япошек и порадовать немчуру.

Оба шофера вскочили с окаменевшими от злости лицами. Старший схватил со стойки бутылку кетчупа, замахнулся. Повар, не поворачиваясь к ним спиной, нашарил большую двузубую вилку и приготовился к защите.

– В Денвере строят огнестойкую взлетно-посадочную полосу, там будут садиться ракеты «Люфтганзы», – проговорила Джулиана.

Никто из троих мужчин не пошевелился и не подал голоса. Посетители тоже помалкивали.

Наконец повар произнес:

– Одну я видел на закате.

– Эта ракета летела не в Денвер, – сказала Джулиана. – Она села на Западном побережье.

Водители понемногу успокоились. Старший проворчал:

– Вечно забываю, что народ здесь малость желтоват.

– Япошки не губили евреев, ни в войну, ни после, – сказал повар. – И не строили печей.

– То-то и беда, что не строили, – буркнул старший водитель и принялся за еду.

«Желтоват, – подумала Джулиана. – Пожалуй, он прав. Мы к японцам относимся хорошо».

– Где будете ночевать? – спросила она у Джо, молодого водителя.

– Не знаю, – ответил тот. – Только что вылез из грузовика. Мне тут не нравится. Вся ваша страна не нравится. Может, в кабине лягу спать.

– В мотеле «Медоносная пчела» вполне прилично, – проворчал повар.

– Ну что ж, – сказал молодой водитель, – может, там и заночую. Если мне не будут глаза колоть, что я итальянец. – Он говорил с явным акцентом, хотя и старался его скрывать.

«Идеалист, – решила, глядя на него, Джулиана. – Поэтому такой озлобленный. Слишком многого хочет от жизни. Не знает покоя и отдыха, вечно брюзжит. Да я и сама такая же. Не могла усидеть на Западном побережье, наверное, и здесь не усижу. А разве прежде, во времена Дикого Запада, люди были иными? Но сейчас фронтир[35 - Фронтир – во время покорения Дикого Запада граница отвоеванных у индейцев территорий. (Прим. перев.)] проходит не здесь, – мелькнула у нее мысль, – а через другие планеты. И он, и я могли бы попроситься на корабль, который отвозит колонистов. Нет – нам бы отказали. Ему – из-за смуглой кожи, мне – из-за черных волос. Уж эти мне бледные нордические феи из эсэсовских училищ в замках Баварии!

У этого парня, Джо, или как его там, неправильное выражение лица. Нет бы принять холодный, но одухотворенный вид, будто он ни во что не верит и при этом видит перед собой некую высшую цель. Да, у наци именно такие физиономии. Они не идеалисты, как я или Джо, они циники и фанатики. Это дефект мозга, как будто немецкие психиатры не только душевнобольным, а всему своему народу сделали лоботомию. Их беды – из-за секса, – решила Джулиана. – Еще в тридцатые у них началась всякая мерзость, а потом все хуже и хуже… Гитлер забавляется со своей… сестрой, кажется? Или теткой? Или племянницей? Да и его собственные родители были двоюродными братом и сестрой. Немцы не считают кровосмешение пороком, многие впали в первородный грех и вожделеют своих матерей. Вот почему у этих белокурых эсэсовских фей такой невинно-кукольный облик, такие ангельские, жеманные улыбки. Они берегут себя для Мамочки. Или друг для дружки. А кого они считают Мамочкой? – подумала она. – Лидера, герра Бормана, который, говорят, на ладан дышит? Или Доходягу? Ходят слухи, старик Адольф, разбитый сенильным парезом[36 - Старческий паралич. (Прим. ред.)], доживает последние деньки в одном из санаториев рейха. Сифилис мозга – память о нищей жизни венского бродяги… Черное долгополое пальто, грязное исподнее, ночлежки… Наверное, это месть злорадного Боженьки. Совсем как в немом кино, злодей купается в нечистотах. Историческая кара за подлость. И что самое жуткое – вся нынешняя Германия порождена этим больным мозгом. Сначала он создал партию, потом – нацию, потом – государство на полпланеты. И не кто-нибудь, а сами нацисты выявили болезнь, поставили диагноз. Шарлатан-гомеопат Морель, пичкавший Гитлера патентованными пилюлями “Антигаз доктора Кестера”, раньше лечил венериков. Об этом знает весь мир, и тем не менее любой бред

рехнувшегося вождя по-прежнему считается откровением мудреца, Священным Писанием. Мало того, что его идеи заразили весь мир, – их, как споры зла, разносят по планетам незрячие белесые пчеломатки. Вот плоды кровосмешения: безумие, слепота, смерть. Брр!» – содрогнулась Джулиана.

– Чарли! – окликнула она повара. – Как там мой заказ?

Ей было очень одиноко. Она встала, подошла к стойке и уселась около кассы. Никто, кроме молодого итальянца, не обращал на нее внимания. А он прямо-таки глаз не сводил.

«Его зовут Джо, – вспомнила она. – А дальше?»

Вблизи она увидела, что он не так молод, как показалось вначале. Трудно было угадать возраст – мешала нервозность, с которой он держался, то и дело зачесывая волосы назад жесткими скрюченными пальцами.

«Очень непростой человек, – решила она. – Он как будто выдыхает смерть».

Джулиану это одновременно тревожило и привлекало. Старший водитель шепнул что-то на ухо итальянцу и тоже уставился на нее.

– Мисс, – произнес старший водитель, и оба мужчины напряглись, – вам известно, что это такое? – Он показал небольшую плоскую коробку.

– Да, – ответила Джулиана. – Нейлоновые чулки. Синтетическое волокно производится только картелем «ИГ Фарбен» в Нью-Йорке. Очень дефицитные и дорогие.

– Надо отдать немцам должное: монополия – не такая уж плохая штука. – Старший водитель положил коробочку перед своим спутником, и тот локтем придвинул ее к Джулиане.

– У вас есть машина? – спросил Джо, прихлебывая кофе.

Из кухни появился Чарли с полной тарелкой.

– Вы меня не подвезете? – Джулиану сверлили темные глаза Джо, и ей стало не по себе. – В мотель или еще куда. Лишь бы переночевать. Подбросите?

– Да, – ответила она. – У меня есть машина. Старый «Студебеккер».

Переведя взгляд с Джулианы на молодого водителя, повар молча поставил перед ней тарелку.

– Achtung, meine Damen und Herren[37 - Внимание, дамы и господа (нем.). (Прим. перев.)], – произнес динамик в конце прохода.

Мистер Бэйнс вздрогнул и открыл глаза. Справа в иллюминаторе, далеко внизу, плыла зелено-коричневая земля и морская синь. Тихий океан. Он понял, что ракета заходит на посадку. По-немецки, затем по-японски и наконец по-английски громкоговоритель попросил пассажиров не курить и не отстегиваться от кресел. До посадки осталось восемь минут, сообщил он.

Корабль накренился и затрясся – с ревом включились тормозные двигатели. Многие пассажиры испуганно заахали. Бэйнс улыбнулся, вызвав ответную улыбку молодого человека с коротко стриженными светлыми волосами, сидевшего через проход.

– Sie f?rchten dass…[38 - Они боятся, что… (нем.) (Прим. перев.)] – заговорил молодой человек, но Бэйнс перебил его по-английски:

– Простите, я не говорю по-немецки. – Поймав вопросительный взгляд попутчика, он повторил то же самое по-немецки.

– Вы не немец? – с сильным акцентом спросил по-английски удивленный блондин.

– Швед, – ответил Бэйнс.

– Но ведь вы сели в Темпельхофе[39 - Темпельхоф – аэропорт в Берлине. (Прим. ред.)].

– Да, я был в Германии по делам. Такой уж бизнес – приходится кочевать по разным странам.

В глазах немца мелькнуло недоверие: как человек, занимающийся международным бизнесом, летающий новейшими ракетами «Люфтганзы», может не знать немецкого?

– А чем вы занимаетесь, мистер Бэйнс? – поинтересовался он.

– Пластмассы. Полиэстеры. Искусственные смолы. Заменители обычного промышленного сырья, а не потребительские товары, понимаете?

– В Швеции делают пластмассы? – явно не поверил немец.

– Да, и превосходные. Если дадите адрес, я с удовольствием вышлю проспект нашей фирмы. – Мистер Бэйнс извлек авторучку и блокнот.

– Ну что вы! Не стоит раздаривать проспекты кому ни попадя. Я не коммерсант, а художник, Алекс Лотце. Не доводилось видеть мои картины? Они выставлялись на Континенте.

– К сожалению, я равнодушен к современной живописи, – сказал Бэйнс. – Мне нравятся довоенные кубисты и абстракционисты. Люблю, когда картина несет глубокий смысл, а не просто представляет идеал.

– Но ведь это и есть сверхзадача искусства, – возразил Лотце. – Возвышение духовного над чувственным. Ваш абстракционизм – это пережиток периода декаданса, духовного хаоса, он отражает процессы разложения общества, старой плутократии. Декадентов поддерживали еврейские капиталисты-миллионеры, опутавшие своими сетями весь мир. Те времена ушли, искусство стало иным, оно не может стоять на месте.

Бэйнс кивнул, глядя в иллюминатор.

– Вам случалось бывать в ТША? – спросил Лотце.

– Несколько раз.

– А я лечу впервые. В Сан-Франциско при содействии ведомства доктора Геббельса и японских властей открывается выставка моих работ, так сказать, культурный обмен в целях укрепления дружбы и взаимопонимания. Необходимо снижать напряженность между Востоком и Западом. А для этого нужно больше общаться, и искусство тут как нельзя кстати.

Бэйнс опять кивнул. Внизу, за огненной ракетной струей, показались город и залив.

– А где в Сан-Франциско можно поесть? – спросил Лотце. – Для меня заказан номер в «Палас-отеле», но я слышал, в национальных районах вроде Чайнатауна кормят лучше.

– Верно, – кивнул Бэйнс.

– А цены там не кусаются? Я ведь почти все отдал за билет. У нас очень экономное министерство. – Лотце засмеялся.

– Смотря как обменять деньги. У вас, надо полагать, переводные векселя Рейхсбанка? Рекомендую Токийский банк на Сэмсон-стрит.

– Danke sehr[40 - Большое спасибо (нем.). (Прим. перев.)], – поблагодарил Лотце. – А то бы я обналичил их в гостинице.

Ракета почти достигла земли. Бэйнс увидел взлетное поле, ангары, автостоянки, протянувшееся к городу шоссе, дома…

«Красиво, – подумал он. – Горы и вода, и клочки тумана, уплывающие к Золотым Воротам».

– Что за огромное сооружение? – спросил Лотце. – Вон там, внизу. Космопорт? Я думал, у японцев нет космических ракет.

Улыбаясь, Бэйнс пояснил:

– Стадион «Золотой мак». Бейсбольное поле.

– Ну да, они без ума от бейсбола, – рассмеялся Лотце. – А по мне, так нет спорта скучнее и бессмысленнее. Взбрело кому-то в голову начать это недоразумение…

– Он уже достроен, – раздраженно перебил Бэйнс. – Таким и был задуман, открытым с одной стороны. Новый архитектурный стиль. И горожане очень гордятся им.

– Такое впечатление, будто его еврей проектировал, – пробормотал Лотце, глядя вниз.

Бэйнс пристально посмотрел на него. На мгновение он отчетливо ощутил перекос в немецком мозгу. Психотическое расстройство. Неужели Лотце действительно так считает? Или просто брякнул первое, что в голову взбрело?

– Надеюсь, мы еще встретимся в Сан-Франциско, – сказал Лотце, когда ракета коснулась земли. – Плохо, если рядом нет соотечественника, не с кем поговорить.

– Мы не соотечественники, – возразил Бэйнс.

– Вы правы. Но расово мы очень близки. Да и цели наши, и намерения совпадают. – Лотце заерзал в кресле, расстегивая хитросплетение ремней.

«И это с ним я расово близок?! – ужаснулся Бэйнс. – Близок до того, что совпадают наши цели и намерения? Тогда и у меня психотическое расстройство. Мы живем в психотическом мире, где у власти безумцы. Как давно мы знаем об этом? Как давно смотрим правде в глаза? И главное, сколько нас, понимающих? Не таких, как Лотце? Может быть, если ты знаешь о своем безумии, ты не сумасшедший? Или идешь на поправку? Просыпаешься? Наверное, нас, понимающих, всего лишь горстка. И мы разбросаны по всему миру. Но массы… они-то что думают? Сотни тысяч жителей этого города? Неужели верят, что живут в нормальном мире? Или все-таки видят правду, хоть изредка, хоть мельком? Но что значит – безумие? Какой смысл принято вкладывать в это слово? Какой смысл вкладываю в него я? Я его вижу, я его чувствую, но чем оно является по своей сути? Безумие – в их деяниях, – подумал он. – В их природе. В умственной ограниченности. В их закрытости от знаний. В непонимании тех, кто

их окружает, в равнодушии, с которым они несут гибель другим. Нет, не то. Я не знаю. Я лишь чувствую. Интуитивно. Они целенаправленно жестоки… Нет. Боже, помоги, самому не добраться до сути! Они частично игнорируют действительность? Да. Но не только это. Безумие в их замыслах. Да, в замыслах! Освоение планет. Те же бешеные усилия, та же маниакальность, что и при покорении Африки, а еще раньше Европы и Азии. Они мыслят в космических масштабах. Для них нет человека, нет ребенка; есть абстракции: раса, страна. Volk, Land, Blut, Elire[41 - Народ, страна, кровь, честь (нем.). (Прим. перев.)]. Нет честных личностей, есть только сама Elire – честь. Абстракция для них суть реальность, реальное же невидимо. Die G?te, доброта, а не добрый человек, добрый поступок. Безумны представления о времени и пространстве; их взоры устремлены сквозь “здесь” и “сейчас” в лежащую впереди черную бездну, в вечное и неизменное. И это – угроза жизни. Потому что рано или поздно жизнь исчезнет, вновь не останется ничего, кроме космической пыли и раскаленного водорода. “Сейчас” – это промежуток между началом и концом, ein Augenblick[42 - Момент (нем.). (Прим. перев.)]. Космический процесс ускоряется, сокрушая все живое, обращая его в гранит и метан. И они, эти безумцы, тоже спешат обратить нас в камень и пыль. В мертвую материю. Хотят помочь Natur[43 - Природа (нем.). (Прим. перев.)]. Я знаю почему, – размышлял Бэйнс. – Они не хотят быть жертвами, они хотят быть движущей силой истории. Они приравнивают свое могущество к Божьему, считают себя подобными Богу. Вот где коренится безумие. Все они одержимы одним архетипом. У каждого психотическое эго расширено настолько, что не способно определить, где кончается Бог и начинается оно. Это не гордыня и не спесь – это раздувание собственного “я” до той крайности, когда исчезает разница между поклоняющимся и предметом поклонения. Не человек съедает Бога, а Бог съедает человека. Чего они не осознают, так это людской беспомощности. Я слаб, я мал, и вселенной нет до меня никакого дела. Она не замечает меня; я живу невидимкой. Но что в этом плохого? Разве так – не лучше? Кого боги замечают, того уничтожают. Будь мал – и не коснется тебя ненависть сильных мира сего».

Расстегивая ремень, Бэйнс произнес:

– Герр Лотце, я никому еще этого не говорил, но вам скажу. Я еврей. Вы поняли?

Лотце ошалело взглянул на него.

– Самому бы вам не догадаться, ведь я ничуть не похож на еврея. Изменены форма носа и черепа, уменьшены поры, осветлена кожа. Другими словами, по

внешним признакам меня не опознать. Я даже вхож в высшие круги нацистского общества. Никто не заподозрит во мне чужака. И… – Сделав паузу, он подался к Лотце и зашептал: – И я не один. Есть другие. Слышите? Мы не погибли. Мы существуем. Живем невидимками.

– Наша служба безопасности… – выдавил Лотце, но Бэйнс его перебил:

– Можете сообщить, СД проверит мое досье. Но учтите: у меня связи. Очень серьезные. Среди моих покровителей есть арийцы, есть и евреи, занимающие высокие посты в Берлине. Ваш донос оставят без внимания, а потом я и сам донесу на вас. Глазом не успеете моргнуть, как окажетесь под превентивным арестом.

Он улыбнулся, кивнул и зашагал меж кресел следом за выходящими пассажирами.

Они спустились по трапу на продуваемое холодным ветром поле. Внизу Бэйнс снова оказался рядом с Лотце.

– Знаете, герр Лотце, – он взял художника под локоть, – мне не понравились ваши взгляды. Думаю, я в любом случае донесу на вас.

И он прибавил шагу, оставив немца позади.

На краю поля, у дверей вокзала, собралась большая толпа родственников и друзей пассажиров. Высматривающие нетерпеливые глаза, улыбки, машущие руки. Чуть впереди стоял невысокий плотный японец средних лет в добротном пальто английского покроя, остроносых оксфордах и котелке, рядом – японец помоложе. На пальто коренастого блестел значок Тихоокеанской Торговой миссии Имперского правительства.

«Меня встречает господин Тагоми собственной персоной», – подумал Бэйнс.

Шагнув вперед, коренастый громко произнес:

– Герр Бэйнс? Добрый вечер! – и выжидающе вскинул голову.

– Добрый вечер, господин Тагоми.

Они пожали друг другу руки, затем раскланялись. Молодой японец тоже поклонился, приветливо улыбаясь.

– Холодновато на открытом поле, сэр, – сказал Тагоми. – В нашем распоряжении геликоптер миссии. Не возражаете? Или вам необходимо посетить удобства? – Он напряженно всматривался в лицо Бэйнса.

– Готов лететь, – сказал Бэйнс. – Хотя надо бы зарегистрироваться в гостинице. И багаж…

– Господин Котомити обо всем позаботится, – заверил Тагоми. – Багаж выдадут через час, не раньше. Ждать дольше, чем вы летели.

Котомити улыбнулся и кивнул.

– Отлично, – сказал Бэйнс.

– Сэр, у меня для вас незначительная жертва, – заявил Тагоми.

– Простите?

– Чтобы снискать вашу благосклонность… – Тагоми сунул руку в карман пальто и достал коробочку. – Из лучших objects d’art[44 - Произведений искусства (фр.). (Прим. перев.)] Америки, – и подал коробочку Бэйнсу. – Наши сотрудники полдня ломали голову, что бы вам подарить. Решили остановиться на этом типичнейшем артефакте угасающей североамериканской культуры, на этой редкой вещи, сохранившей ауру далеких счастливых дней.

Бэйнс открыл коробочку. В ней на черном бархате лежали наручные часы с Микки-Маусом на циферблате.

Неужто Тагоми захотелось пошутить? Бэйнс поднял глаза и увидел серьезное, озабоченное лицо японца. Нет, это не шутка.

– Большое спасибо, – поблагодарил Бэйнс. – Действительно, отменный подарок.

– Во всем мире не наберется и десятка настоящих часов «Микки-Маус» выпуска тридцать восьмого года, – произнес Тагоми, внимательно наблюдая за лицом Бэйнса, пытаясь понять его реакцию, его эмоции. – Их нет ни у одного из моих знакомых коллекционеров.

Они вошли в здание вокзала и стали подниматься по лестнице. Следовавший позади Котомити произнес:

– Харусаме ни нурецуцу яне но темари кана…

– Что это? – спросил Бэйнс у Тагоми.

– Старинное стихотворение, – пояснил Тагоми, – хайку середины эпохи Токугава.

Под весенним дождем

Мокнет забытый на крыше

Тряпочный мячик[45 - Из сборника «Ёса Бусон. Хайку». Перевод Т. Соколовой-Делюсиной. (Прим. перев.)].

Глава 4

Уиндем-Мэтсон вразвалку шел по коридору в направлении главного цеха «У.-М. корпорейшн». Провожая его взглядом, Фрэнк подумал, что бывший работодатель вовсе не похож на фабриканта. Легче принять его за жителя трущоб, за пьянчугу, которого вымыли, побрили, причесали, одели во все новое, накачали витаминами и выпроводили с пятью долларами и советом начать жизнь с чистого листа. Старик всегда ловчил, суетился, заикался перед каждым встречным и даже заискивал, будто видел в нем сильного врага, которого необходимо умилостивить. Манерой держаться он как бы говорил: «Всем от меня, бедного, чего-нибудь нужно».

На самом деле старина У.-М. был куда круче, чем казался с виду. Он контролировал несколько предприятий, играл на бирже, приторговывал

недвижимостью.

Фрэнк двинулся за ним следом, отворил большую металлическую дверь и шагнул навстречу грохоту машин, ставшему привычным за многие годы; его окружали люди и механизмы, сверкала электросварка, в воздухе висела техническая пыль. Фрэнк ускорил шаг.

– Эй, мистер У-Эм! – позвал он.

Уиндем-Мэтсон остановился возле человека с волосатыми руками; его звали Эд Маккарти, он был начальником цеха. Оба повернулись к Фрэнку.

– Извини, Фрэнк, – произнес Уиндем-Мэтсон, нервно облизывая губы, – но принять тебя обратно не смогу. Уже взял человека на твое место. Ты столько всего наговорил – мне и в голову не приходило, что ты захочешь вернуться.

Его черные глазки так и бегали.

«Это наследственное, – подумал Фрэнк. – Изворотливость у старика в крови».

– Заберу свои инструменты, больше мне ничего не нужно, – произнес Фрэнк, с удовольствием слушая свой уверенный голос.

– Ну, посмотрим, – промямлил Уиндем-Мэтсон, явно сомневаясь в том, что инструменты – имущество Фрэнка. И обратился к Маккарти: – Эд, вроде это по твоей части? Разберись с Фрэнком, пожалуйста. У меня дел по горло. – Он глянул на карманные часы. – Вот что, Эд, позже обсудим твое предложение. Мне надо бежать.

Он похлопал Маккарти по плечу и, не оглядываясь, затрусил прочь.

Эд Маккарти и Фрэнк остались вдвоем.

– Хотел вернуться? – помолчав, спросил Маккарти.

– Да, – ответил Фрэнк.

– Ты молодец. Здорово вчера выдал.

– Молодец-то молодец, – пробормотал Фрэнк, – но где еще найдешь такую работу? – Он чувствовал себя разбитым и беспомощным. – Ты-то меня понимаешь.

Они часто делились друг с другом заботами.

– Чепуха, ты отличный мастер. За шлифовальной машиной тебе нет равных. Я видел, как ты за пять минут подогнал деталь, включая грубую шлифовку. И это крупным наждаком! Вот только со сваркой…

– Я и не говорил, что умею сваривать, – перебил Фрэнк.

– А тебе не приходило на ум начать собственное дело?

– Что начать? – изумленно пробормотал Фрэнк.

– Заняться ювелирным делом.

– А, ради бога!

– Делать на заказ оригинальные вещи, не серийные.

Маккарти направился в угол цеха, подальше от шума.

– Примерно за две тысячи баксов ты сможешь устроить мастерскую где-нибудь в подвальчике или в гараже. Одно время я подумывал о сережках и кулонах. Ну, ты помнишь – в современном стиле.

Эд взял листок бумаги для заметок и стал рисовать – медленно, сосредоточенно.

Заглянув ему через плечо, Фрэнк увидел абстрактный, с плавными линиями эскиз браслета.

– А где продавать? – спросил он.

Он давно не видел ничего подобного. Только довоенные вещи. Но все они – даже старинные – были стандартными.

– Кому нужно современное американское искусство?

– Создадим рынок, – состроил зверскую гримасу Маккарти.

– Сами, что ли, будем продавать?

– Нет, через магазины розничной торговли. Вроде той роскошной лавки на Монтгомери-стрит. Как бишь ее…

– «Американские художественные ремесла», – припомнил Фрэнк.

Он никогда не посещал такие шикарные магазины, да и мало кто из американцев заходил в них: выставленные там вещи были по карману только японцам.

– Известно ли тебе, чем торгуют в таких заведениях? – осведомился Маккарти. – И на чем делают состояния? На дурацких серебряных нашлепках от индейских поясов из Нью-Мексико. На всякой дряни для туристов, якобы туземном искусстве.

Фрэнк долго не сводил глаз с Маккарти. Наконец произнес:

– Мне известно, что еще они продают. И тебе тоже.

– Да, – подтвердил Маккарти.

К тому, чем торговали в магазинах редкостей, они имели самое непосредственное отношение. И не первый год. Официально «У.-М. корпорейшн» специализировалась на изготовлении кованых перил для лестниц и балконов, решеток для каминов и оград для новых фешенебельных домов. Изделия производились крупными партиями по типовым чертежам, например сорок каминных решеток для сорокаквартирного дома. Но «У.-М. корпорейшн» выпускала не только кованые изделия – основные прибыли приносила

деятельность иного рода. Используя большой арсенал инструментов, станков и материалов, корпорация подделывала предметы довоенной Америки в широком ассортименте. Эти подделки, разбавленные подлинными вещами, очень осторожно и расчетливо поставлялись на оптовый рынок предметов искусства и сбывались коллекционерам по всему континенту. Как и в филателии, как и в нумизматике, невозможно было подсчитать, сколько фальшивок ходит по свету. Да никто и не пытался. Прежде всего, это не нужно было продавцам и коллекционерам.

Вчера, уходя с работы, Фрэнк оставил на верстаке недоделанный револьвер, «кольт» эпохи покорения Дикого Запада. Он сам изготовил форму и отливки, оставалось довести до ума детали. Для стрелкового оружия времен Гражданской войны и фронтира рынок был неограничен; все, что мастерил Фрэнк, «У.-М. корпорейшн» сбывала без всяких хлопот.

Фрэнк неторопливо приблизился к верстаку и снял заусенцы с шомпола. Еще три дня, и револьвер был бы готов.

«Да, – подумал он, – я потерял хорошую работу. Только эксперт сможет отличить… Но японские коллекционеры – не знатоки… Вернее, у них нет образцов и стандартов, не с чем сравнивать».

Насколько ему было известно, они даже не задумывались над необходимостью устанавливать подлинность так называемых исторических произведений искусства, которыми торговали на Западном побережье. Когда-нибудь, возможно, задумаются… и тогда рынок лопнет как мыльный пузырь, даже подлинники никто не рискнет покупать. Закон Грешама гласит: подделки снижают ценность подлинников. Может быть, поэтому никто и не проверяет. Боятся правды. А так вроде все довольны.

Разбросанные по городам фабрики выпускают продукцию, оптовики ее распределяют по магазинам, а розничные торговцы рекламируют и выкладывают на прилавки. Коллекционеры платят денежки и, довольные, увозят покупки домой – восхищать коллег, друзей, любовниц.

Вот так и с послевоенными деньгами все было в порядке, пока не возник вопрос: а чего на самом деле они стоят?

До поры до времени подделки будут в цене. Потом придет час расплаты. Пока же все помалкивают, особенно те, кто кормится на этой ниве. Они просто стараются не думать о грядущих неприятностях, сосредоточившись на сиюминутных технических проблемах.

– Давно ли ты пробовал сделать что-нибудь оригинальное? – спросил Маккарти.

– Уже сколько лет… – пожал плечами Фрэнк. – Зато копировать научился здорово.

– Знаешь, о чем я думаю? Ты поверил нацистам, будто евреи не способны созидать, а могут только имитировать и торговать. Не творцы, а лишь посредники. – Безжалостный взгляд Эда буравил друга.

– Может, так оно и есть, – проворчал Фрэнк.

– А ты попробуй. Придумай что-нибудь новенькое. Или сразу поработай по металлу. Поиграй. Как дети играют.

– Не хочу, – сказал Фрэнк.

– В тебе нет азарта, – заключил Маккарти. – Полностью утрачена вера в себя. Угадал? Вот и плохо. Ведь я знаю, на что ты способен.

«Плохо – не то слово, – подумал Фрэнк. – Да, ты угадал. Ни веры, ни азарта.

Маккарти – отличный начальник. Ему не откажешь в умении завести работягу, заставить его выложиться. Прирожденный руководитель – чуть не вдохновил меня. И все испортил, отойдя раньше времени.

Жаль, нет при мне оракула. Как бы помог сейчас источник пятитысячелетней мудрости».

Фрэнк вспомнил, что видел «И-цзин» в вестибюле административного корпуса, и направился туда чуть ли не бегом. Устроившись в кресле из хромированной стали и пластика, написал на оборотной стороне конверта: «Только что мне предложили творческий бизнес – стоит ли попробовать?» – и стал подбрасывать

три монеты.

Первой выпала сплошная черта, потом еще две. Нижняя триграмма. Цянь, неплохо. Цянь означает творчество. Четвертая черта – «шестерка», инь. Пятая – тоже прерванная.

«О господи! – разволновался он. – Еще одна иньская черта, и я получу одиннадцатую гексаграмму Тай – “Расцвет”! Очень добрый знак. Или… – руки дрожали, когда он тряс монеты, – если выпадет ян, получится гексаграмма двадцать шесть, Дачу – “Воспитание великим”. Обе гексаграммы благоприятны».

Он кинул монетки.

Инь. «Расцвет».

Открыв книгу, он прочел:

«Расцвет. Малое уходит, великое приходит. Счастье. Развитие».

Значит, надо поступить, как советует Эд Маккарти. Открыть свое маленькое предприятие.

Его беспокоила только верхняя «шестерка». Фрэнк перевернул страницу. Что там за текст? Он не мог вспомнить. Должно быть, благоприятный, поскольку вся гексаграмма добрая. Единение неба и земли… Но смысл первой и последней черт всегда лежит вне гексаграммы, так что, возможно, верхняя «шестерка»…

Пойманные глазами строки вспыхнули в мозгу:

«Городской вал падает обратно в ров. Не применяй войско. Из мелких городов будет изъявлена собственная их воля. Стойкость – к сожалению»[46 - Ю. К. Шуцкий. Китайская классическая «Книга перемен». (Прим. перев.)].

– Ох, влип! – воскликнул он и прочел комментарий:

«В середине гексаграммы упоминались силы тьмы; теперь они начинают проявлять себя. Городская стена погружается обратно в ров, из которого она

была поднята. Близится роковой час…»[47 - R. Wilhelm The I Ching or Book of Changes. (Прим. перев.)]

Несомненно, это едва ли не самое мрачное толкование из трех с лишним тысяч, содержащихся в книге. И все же гексаграмма в целом была благоприятной.

Как быть? Прежде не бывало, чтобы оракул пророчил ему беду и счастье одновременно. А нынче будто выгреб со дна своего кладезя всякую дрянь: тряпье, кости и черный ил – и вывалил на стол, точно сдуревший повар.

«Видать, от меня требуются две вещи, – подумал Фрэнк – И за работу взяться, и посмотреть на происходящее глазами шлимазла[48 - Шлимазл – придурок (идиш). (Прим. перев.)]. К счастью, второе дело – секундное.

Вот же черт! – мысленно выругался он. – Либо одно, либо другое. Не могут беда и удача ходить рука об руку. Или… могут? Ювелирное дело обеспечит мне будущность – никак иначе пророчество не истолковать. Но эта проклятая шестая строка… У нее глубокий смысл, она предупреждает о катастрофе, возможно, даже не связанной с ювелирным делом. В любом случае для меня припасена какая-то гадость».

«Война! – предположил Фрэнк – Третья мировая! Два миллиарда трупов, цивилизация стерта с лица Земли. Водородные бомбы сыплются градом».

«Ой, гевальт![49 - О, горе мне! (идиш) (Прим. перев.)] – подумал он. – Что происходит? Из-за меня война начнется, что ли? Или кто-нибудь другой, о ком я даже не знаю ничего, заварит кашу? Или – все мы? Во всем виноваты физики с их теорией синхронности: каждая частица связана со всеми остальными – нельзя даже пукнуть, не изменив равновесия Вселенной. Они превратили жизнь в хохму, но только над этой хохмой некому будет посмеяться. Я открываю книгу и получаю прогноз событий, о которых даже Господь Бог хотел бы забыть. А кто я такой? Посторонний. Случайный человек. Который тут вовсе ни при чем.

Надо забрать инструменты, оборудовать мастерскую и возиться в ней день-деньской, как будто и не выпадала мне роковая черта. Надо работать. Творить, ничего не боясь. До самого конца. Жить на всю катушку, пока стена не рухнет в ров вместе с нами, со всем человечеством. Вот о чем говорит оракул. Рано или поздно рок доберется до каждого из нас. Но пусть до тех пор мои руки и голова

не ведают праздности.

Комментарий предназначен только для меня и относится к моей работе. А последняя черта касается нас всех».

«Я слишком мал, – продолжил он мысль. – Могу лишь прочесть написанное и глянуть вверх, а потом опустить голову и поплестись дальше своей дорогой, как будто я невидим. Не бегать же по улицам, крича во всю глотку, чтобы привлечь внимание прохожих.

А существует ли вообще человек, способный изменить ход событий? Некто великий?.. Или, может, мы все вместе… Или в решающий момент начнет действовать тот, кого внедрили заранее, согласно тайному стратегическому плану… В общем, остается уповать на случай. На счастливое стечение обстоятельств. Лишь от него зависит жизнь – моя и всего человечества».

Фрэнк закрыл книгу и вернулся в цех. Заметив Маккарти, указал ему на тихий уголок.

– Чем больше думаю над твоей идеей, тем больше она мне нравится, – сказал он.

– Вот и отлично, – кивнул Маккарти. – А теперь слушай. Надо заставить Уиндема-Мэтсона рассчитаться сполна. – Он медленно, напряженно опустил веко – подмигнул. Это выглядело довольно жутко. – Я тут прикинул… В общем, решил уволиться и составить тебе компанию. Вот, погляди на эскизы. Чем плохи?

– Хороши, – подтвердил несколько сбитый с толку Фрэнк.

– Заходи вечерком ко мне, часам к семи, – предложил Маккарти. – Джин приготовит поесть… Если только сможешь вытерпеть мою детвору.

– Договорились, – сказал Фрэнк.

Маккарти хлопнул его по плечу и отошел.

«За какие-то десять минут я проделал большой путь. Как быстро это случилось, – размышлял Фрэнк, не испытывая тревоги и страха, только

возбуждение. – Впрочем, такие события и должны происходить быстро. – Он направился к верстаку, чтобы собрать свои инструменты. – Подворачивается возможность, и… А ведь я ждал этой минуты всю жизнь. Оракул сказал: “Счастье, развитие”, и надо ему верить. Значит, оно пришло, великое? Время больших свершений? Пришел нужный Момент? “Шестерка” наверху одиннадцатой гексаграммы все меняет, гексаграмма приобретает смысл двадцать шестой, “Воспитание великим”. Инь превратился в ян; сменилась черта, и возник новый Момент. А я до того рассеян, что даже не заметил этого!»

«Теперь ясно, почему мне досталась эта грозная черта, – сделал вывод Фрэнк. – Одиннадцатая гексаграмма может превратиться в двадцать шестую единственным способом: получив наверх подвижную линию. Стало быть, вполне достаточно, чтобы я просто не подставлялся, не искал на свою задницу лишних проблем».

Но, несмотря на волнение и оптимизм, Фрэнк не мог выбросить из головы плохую черту.

«Хотя пытаюсь изо всех сил, – с горькой иронией отметил он. – Глядишь, к семи вечера начисто о ней позабуду. Ну что ж, будем надеяться. Потому что работать с Эдом на паях – это здорово. А идея заняться ювелирным делом – просто золотая. И я не вправе упустить такой шанс. Сейчас я – ничто, но, если встану на ноги, может быть, сумею вернуть Джулиану. Ведь я знаю, что ей нужно – быть женой не какого-нибудь мешугенера[50 - Мешугенер – сумасшедший (идиш). (Прим. перев.)], а человека, чье имя что-то значит, влиятельной персоны. Мужчина должен быть мужчиной. Во всяком случае, когда-то было так. До войны. Сейчас она, должно быть, мечется с места на место, от мужика к мужику. Сама не знает, чего ищет. Но я-то знаю, и, когда мы с Эдом добьемся успеха, она получит то, что ей нужно».

Собираясь перекусить, Роберт Чилден запер дверь «Американских художественных ремесел» и, как всегда, зашел в кафе напротив. Обычно на завтрак уходило около получаса; на этот раз Чилден уложился в двадцать минут. Стоило вспомнить о встрече с Тагоми и его подчиненными, как желудок устраивал бунт.

По возвращении из Торговой миссии Чилден сказал себе: пора менять политику. Никаких доставок на дом. Все сделки – исключительно в магазине.

Подумать только, битых два часа он провел в кабинете заказчика. А на все про все ушло целых четыре часа! Когда он вернулся, открывать магазин было уже поздно. За весь день удалось продать только часы «Микки-Маус». Конечно, он не остался внакладе, но…

Чилден отворил дверь и прошел в подсобку – повесить пальто. Возвратясь в зал, обнаружил, что его ждет посетитель. Белый.

«Ого, – подумал Чилден, – сюрприз!»

– Добрый день, сэр, – с легким поклоном поздоровался он.

«Буратина, что ли?» – мелькнула мысль.

Чилден окинул посетителя внимательным взглядом: худощавый, смуглый, довольно элегантно одет. Но держится натянуто, даже слегка вспотел от волнения.

– Добрый день, – пробормотал посетитель, топчась у витрин.

Вдруг он резко устремился к прилавку и достал маленькую визитницу из лакированной кожи, а из нее красивую пеструю карточку с гербом Империи и эмблемой. ВМФ. «Адмирал Харуся».

Роберт Чилден уважительно вернул карточку.

– Корабль адмирала стоит в гавани Сан-Франциско, – пояснил посетитель. – Авианосец «Сёкаку»[51 - В нашем мире авианосец «Сёкаку» потоплен американской подлодкой «Кавелла» летом 1944 г. в сражении у Марианских островов. Адмирал Харуся в списке командовавших им адмиралов не значится. (Прим. перев.)].

– Ясно, – кивнул Чилден.

– Адмирал Харуся впервые на Западном побережье, – продолжал незнакомец. – Одна из его целей – посетить ваш знаменитый магазин. На Родных островах наслышаны об «Американских художественных ремеслах».

Чилден вновь поклонился.

– К сожалению, – продолжал гость, – обстоятельства сложились так, что адмирал не нашел времени для личного визита и направил в ваш магазин меня, своего поверенного.

– Адмирал – коллекционер? – Мозг Чилдена заработал на полных оборотах.

– Не коллекционер, но увлечен искусством и неплохо разбирается в нем. Вещи, которые он хотел бы у вас приобрести, будут подарены офицерам флагмана. Адмирал решил вручить каждому офицеру ценный раритет времен Гражданской войны – оружие для ношения на поясе. – Сделав паузу, посетитель добавил: – Двенадцати офицерам.

«Двенадцать револьверов времен Гражданской войны, – затрепетал от волнения Чилден. – Дорогое удовольствие. Почти десять тысяч долларов!»

– Всем известно, что вы торгуете бесценными предметами старины, в буквальном смысле сошедшими со страниц американской истории, – продолжал смуглый человек. – Истории, увы, быстро исчезающей в чертогах времени.

Тщательно подбирая слова (ни в коем случае не допустить оплошности, не отпугнуть покупателя!), Чилден произнес:

– Да, вы правы, такого выбора оружия времен Гражданской войны, как здесь, не найти ни в одном магазине ТША. Счастлив услужить адмиралу Харусе. Если угодно, я доставлю отменную коллекцию прямо на борт «Сёкаку». Может, сегодня во второй половине дня?

– Я бы хотел посмотреть здесь, – сказал посетитель.

Чилден быстро прикинул в уме. У него не было двенадцати револьверов в наличии, только три. Но если повезет, он соберет дюжину за неделю. В крайнем

случае закажет на Востоке, оплатив пересылку авиапочтой. Обзвонит местных оптовиков.

– Вы разбираетесь в подобном оружии, сэр? – спросил Чилден.

– Более-менее, – ответил посетитель. – Я собрал небольшую коллекцию пистолетов и револьверов. Есть даже крошечный потайной пистолет в форме костяшки домино, выпущенный году этак в сороковом прошлого века.

– Прелестная вещица, – кивнул Чилден и направился к сейфу.

Вернувшись с револьвером, он увидел, что посетитель заполняет чек.

– Адмирал предпочел бы заплатить авансом, – сказал буратина. – Депозит на пятнадцать тысяч тихоокеанских долларов.

Комната закружилась перед глазами Чилдена, но он сумел ответить ровно, даже с оттенком скуки:

– Как угодно. В этом нет особой необходимости, так, формальность. – Положив на прилавок футляр из фетра и кожи, он добавил: – Вот, рекомендую. Превосходный «кольт» сорок четвертого калибра. Тысяча восемьсот шестидесятый год. – Он открыл футляр. – Черный порох и пули. Этот шестизарядник был на вооружении у армии северян. Из него какой-нибудь парень в синем палил во второй битве при Булл-Ране[52 - Эпизод Гражданской войны в Америке, битва при реке Булл-Ран весной 1862 г., закончившаяся тяжелым поражением армии северян. (Прим. перев.)].

Посетитель долго рассматривал «кольт». Затем, подняв глаза, тихо произнес:

– Сэр, это подделка.

– Что? – не понял Чилден.

– Сэр, вы предлагаете фальшивый экземпляр. Этой вещи нет и шести месяцев. Весьма досадно. Вот, поглядите на дерево, оно подвергалось искусственному старению, обрабатывалось едким химическим веществом. – Посетитель положил

револьвер на прилавок.

Чилден схватил «кольт» и принялся вертеть в руках. Наконец хрипло произнес:

– Этого не может быть!

– Имитация редкого старинного револьвера. Я совершенно уверен. Боюсь, вас обманули, сэр. Какой-нибудь мошенник. Следует заявить в полицию. – Посетитель поклонился. – Сожалею, сэр. Возможно, среди ваших товаров есть и другие копии. Неужели вы, владелец магазина, в своем роде специалист, не способны отличить подделку от подлинника?

Наступила тишина.

Гость взял с прилавка наполовину заполненный чек, убрал в карман вместе с авторучкой и поклонился.

– Мне жаль, сэр, но я не могу иметь дела с «Американскими художественными ремеслами». Адмирал Харуся будет разочарован. Но войдите в мое положение.

Чилден тупо смотрел на револьвер.

– Всего хорошего, сэр, – сказал посетитель. – Последуйте моему совету, привлеките эксперта. Ваша репутация… Уверен, вы понимаете.

– Сэр, пожалуйста… – забормотал Чилден. – Я вас очень прошу…

– Не волнуйтесь, сэр. Никто не узнает. Адмиралу я скажу, что ваш магазин оказался закрыт. В конце концов… – Он помолчал, остановившись в дверях. – В конце концов, мы с вами белые. – Еще раз поклонившись, он ушел.

Чилден остался у прилавка с револьвером в руке.

«Этого не может быть, – подумал он. – Но это случилось. Господи боже! Я погиб. Упустил пятнадцать тысяч долларов. И потерял репутацию, а это – куда хуже. Если этот человек, порученец адмирала Харуси, не сдержит обещания… Я разорен! – решил он. – Покончу с собой. Но может быть, посетитель ошибся? Или

солгал? Возможно, он подослан хозяином “Исторических ценностей Соединенных Штатов”, чтобы погубить меня. Или “Художественными редкостями Западного побережья”. Кем-нибудь из конкурентов. Револьвер настоящий, наверняка. А как убедиться? – Чилден лихорадочно соображал. – Ага! Отправлю его на проверку в лабораторию пенологического[53 - Пенология – учение об исполнении наказания, частная дисциплина криминологии. (Прим. ред.)] факультета Калифорнийского университета. У меня там знакомые, по крайней мере были. Один раз пришлось к ним обращаться, чтобы проверить подлинность армейской казнозарядки раннего образца».

Он торопливо набрал номер одной из городских курьерских служб и велел немедленно прислать человека. Затем упаковал револьвер и написал записку, в которой просил сотрудников университетской лаборатории срочно установить возраст оружия и сообщить результат по телефону. Потом отдал пакет и записку подошедшему курьеру. Тот отбыл, а Чилден принялся расхаживать по магазину в нервозном ожидании.

В три часа позвонили из лаборатории.

– Мистер Чилден, вы желаете знать, является ли подлинным «кольт-арми сорок четыре» тысяча восемьсот шестидесятого года? – Пауза, во время которой Чилден едва не раздавил трубку. – Сообщаю лабораторное заключение. Все детали, кроме ореховых накладок, изготовлены с помощью пластмассовых форм. Серийные номера не соответствуют подлинным. Цементация поверхности проходила без участия цианида. Коричневый и синий оттенки поверхностей получены в результате скоростной обработки по современной технологии, револьвер целиком подвергался искусственному старению.

– Человек, который мне его предложил… – хрипло произнес Чилден.

– Его обвели вокруг пальца, так ему и скажите, – посоветовал эксперт. – Причем ловко обвели. Отличная работа. Профессиональная. Вам известно, что у настоящих «кольтов» синеватый оттенок? А доводилось ли слышать о том, как он получался? Стальные детали укладывали в ящик, сделанный из кожаных ремней, герметизировали его вместе с цианидом и нагревали. Довольно хлопотная процедура, по нынешним-то временам. А эту штуку сработали в превосходно оснащенной мастерской. Мы изучили частицы веществ, применявшихся для шлифовки и полировки, – есть кое-что весьма необычное. Не возьмусь доказывать в суде, но теперь нам известно, что выпуск подделок

поставлен на промышленную основу.

– Нет! – воскликнул Чилден. – Это всего лишь слухи. Могу утверждать со всей ответственностью, сэр. Кому и знать об этом, как не мне! – Его голос поднялся до истерической ноты и надломился. – Как вы думаете, почему я отправил к вам револьвер? Я много лет торгую подобными вещами и сразу же заподозрил неладное. Такие подделки очень редки. Похоже на розыгрыш. Кто-то решил пошутить. – Тяжело дыша, он попрощался: – Благодарю вас. Вы подтвердили мою догадку. Пришлите счет. До свидания!

Чилден бросил трубку и уселся просматривать бухгалтерские записи – надо было выяснить, откуда у него этот фальшивый «кольт».

Он установил, что револьвер продал крупнейший в Сан-Франциско оптовик, владелец фирмы «Рэй Калвин и партнеры», находящейся на Ван-Несс. Чилден немедленно набрал номер.

– Мне мистера Калвина. – Теперь его голос звучал тверже.

Ответом был грубый тон вечно занятого дельца:

– Слушаю.

– Это Боб Чилден – «АХР, инк», на Монтгомери. Рэй, у меня к вам деликатная просьба. Надо поговорить с глазу на глаз, лучше всего сегодня, у вас в конторе. Поверьте, это очень важно. – Чилден вдруг понял, что кричит в трубку.

– Ладно, – буркнул Рэй Калвин.

– И никому не говорите. Это должно остаться между нами.

– В четыре устроит?

– Хорошо, в четыре, – согласился Чилден. – У вас. Всего доброго.

Он с такой яростью кинул трубку на рычаг, что телефон слетел на пол. Опустившись на колени, хозяин магазина поставил аппарат на место.

Выходить нужно через полчаса, и есть перспектива провести это время в бесполезном ожидании. Что же делать? Идея! Он позвонил в филиал «Токио геральд» на Маркет-стрит.

– Будьте добры, – произнес он, – скажите, находится ли в порту авианосец «Сёкаку», а если находится, то как давно он прибыл? Буду очень благодарен вашей уважаемой газете за эту информацию.

Тоскливое ожидание. Девичий голос:

– Как утверждает наша справочная служба, авианосец «Сёкаку» находится на дне Филиппинского моря. – Девушка хихикнула. – Он потоплен американской подлодкой в сорок пятом. Чем еще мы могли бы вам помочь, сэр? – Похоже, в газете его приняли за оригинального шутника.

Он положил трубку. Стало быть, никакого «Сёкаку» не существует вот уже семнадцать лет, как и адмирала Харуси, надо полагать. А его «доверенное лицо» – просто жулик. И все же этот тип оказался прав. «Кольт-арми-44» – подделка.

Бессмыслица.

Может, спекулянт? Пытается отхватить кусочек рынка пистолетов Гражданской войны? Однако он эксперт. Профессионал из профессионалов. Как быстро сумел распознать подделку!

Значит, и обращаться за помощью нужно к профессионалу. Знающему бизнес изнутри. Не к простому коллекционеру.

У Чилдена слегка отлегло от сердца.

В этом узком кругу все друг друга знают. И вдобавок умеют хранить тайны.

Или плюнуть и забыть?

Подумав, Чилден решил:

«Нет. Нужно выяснить все до конца. Но прежде всего надо заставить Рэя Калвина возместить убытки. И еще раз обратиться в университетскую лабораторию. Пусть проверят весь товар.

Но… вдруг они установят, что я торгую только фальшивками?

М-да… Проблема».

«Остается одно, – мрачно подумал он. – Пойти к Рэю Калвину. Взять за грудки. Вытрясти всю правду. Может, он тут ни при чем. А может, наоборот. Неважно. Сказать ему: „Еще одна подделка, и я у вас больше ничего не возьму!“

Пусть он терпит убытки, – сказал себе Чилден. – Он, а не я. Если откажется, я обойду все магазины и испорчу ему репутацию. Почему я должен страдать в одиночку? Пускай те, кто заварил кашу, сами ее и расхлебывают. Но действовать нужно очень осторожно. И ни слова посторонним».

Глава 5

Телефонный звонок Рэя Калвина озадачил Уиндема-Мэтсона. Он ничего толком не понял – отчасти из-за быстрой и отрывистой речи Калвина, отчасти потому, что тот позвонил в полдвенадцатого ночи, когда Уиндем-Мэтсон развлекался с гостьей в своем номере отеля «Муромати».

– Вот что, приятель, – сказал Калвин, – мы возвращаем последнюю партию. Вернули бы и остальную дрянь, если бы уже за нее не заплатили.

Естественно, Уиндему-Мэтсону захотелось узнать, в чем дело.

– В том, что весь ваш товар – туфта.

Уиндем-Мэтсон оторопел.

– Но ведь вы знали, Рэй, вы всегда были в курсе! – Он оглянулся. Девицы поблизости не было, наверное, ушла в ванную.

– Да, я знал, что вы штампуете подделки, – сказал Калвин. – Но речь о другом. О паршивом качестве последней партии товара. Короче, мне наплевать, стреляли из револьвера, который вы нам подсунули, в Гражданскую войну или нет. Для меня важно, чтобы ни у кого не возникало сомнений, что это «кольт» сорок четвертого калибра, такой-то номер по каталогу. Он должен отвечать стандартам, ясно? Вы знаете Роберта Чилдена?

– Да. – Фамилия была знакомой, хотя в эту минуту Уиндем-Мэтсон не мог вспомнить человека, которому она принадлежит. Какой-то сошке не из самых мелких.

– Сегодня Чилден был здесь, у меня в офисе. Он только что ушел, я звоню из конторы, не из дома. Вломился и давай буянить. Он вне себя от элости. Будто бы некий важный посетитель – джаповский адмирал, ни больше ни меньше – то ли приходил к нему, то ли присылал своего холуя. Чилден говорил о сделке на двадцать тысяч. Тут он, конечно, приврал, но в остальном я верю: к нему приходил япошка, хотел что-то купить, одним глазком взглянул на ваш «кольт-арми», назвал его липой, убрал деньги в карман и был таков. Что вы на это скажете?

Сказать Уиндему-Мэтсону было нечего, но он сразу подумал о Фрэнке и Маккарти. Они обещали кое-что предпринять – вот оно, это «кое-что».

Но зачем им понадобилось пугать Чилдена? Его охватил чуть ли не суеверный страх. Как они пронюхали, куда ушел револьвер, сработанный еще в феврале? Можно было ожидать от них обращения в полицию, или в газеты, или даже в муниципалитет Сакраменто, к буратинам; но по всем этим направлениям он бы смог нанести эффективные контрудары. Просто мистика какая-то! Он не знал, как ответить Калвину, – долго бормотал оправдания, пока наконец не сумел закруглить беседу.

Положив трубку, Уиндем-Мэтсон осознал, что Рита давно вышла из спальни и слышала весь разговор. Она нетерпеливо расхаживала по комнате в комбинации из черного шелка. По плечам в редких крапинках веснушек рассыпались светлые волосы.

– Позвони в полицию, – предложила она.

«А может, дешевле обойдется, если я предложу им тысячу-другую отступных? – подумал он. – Они не откажутся. Наверное, как раз этого и добиваются. У такой мелочи и запросы невелики, две тысячи кажутся им громадными деньгами. Ну да, вложат их в свое дело, через месяц прогорят, и опять в кармане ни гроша».

– Нет, – ответил он.

– Почему? Шантаж – это преступление.

«Ей трудно понять», – подумал Уиндем-Мэтсон. Он привык платить, привык нести производственные расходы. Хочешь стоять над другими – не жалей денег. Да и сумма на сей раз смешная. Но в чем-то она права.

«Я заплачу им две тысячи, – решил Уиндем-Мэтсон. – А еще свяжусь со знакомым полицейским, инспектором из городской администрации. Пусть посмотрят, нет ли у них чего-нибудь на Фрэнка и Маккарти. На тот случай, если они снова придут вымогать».

«Кто-то мне говорил, что Фрэнк – жид, изменивший форму носа и фамилию, – вспомнил он. – Тем лучше, надо только известить германское консульство. Чего проще. Консул потребует у япошек выдачи Фрэнка, и, как только этот педрила окажется за демаркационной линией, его засунут в газовую камеру. Вроде у них в Нью-Йорке есть такой лагерь, – подумал он. – С печами».

– Удивляюсь, – сказала Рита, пристально глядя на него, – как можно безнаказанно шантажировать парня с твоим-то положением.

– А я объясню, – рассеянно ответил Уиндем-Мэтсон. – Дело в том, что весь этот бизнес, связанный с историей, – сущая чепуха. Просто япошки – олухи. Сейчас докажу. – Он быстро прошел в свой кабинет, вернулся с двумя зажигалками и положил их на кофейный столик – Вот, глянь. На вид не отличить. Но историческую ценность имеет только одна. – Он ухмыльнулся. – Возьми. Пойдем дальше. На рынке одна из них стоит тысяч сорок-пятьдесят.

Рита робко взяла зажигалки и поднесла к глазам.

– Ну? – подзадорил ее Уиндем-Мэтсон. – Чувствуешь историчность?

– Что еще за «историчность»?

– Так говорят о вещах, содержащих в себе историю. Слушай дальше. Одна из этих «Зиппо» лежала в кармане Франклина Рузвельта в момент его убийства. А другая – нет. Одна имеет историческую ценность, да еще какую. Другая выеденного яйца не стоит. Ну, ты чувствуешь? – допытывался он. – Ничего ты не чувствуешь. Нет тут ни «мистической тонкой материи», ни «ауры».

– Ух ты! – благоговейно воскликнула Рита. – Правда, что ли, одна из них была у Рузвельта?

– Да. И я знаю которая. Понимаешь теперь? Все это большое надувательство, люди сами себя обманывают. Скажем, твой пистолет побывал в какой-нибудь знаменитой битве, например в Маас-Аргоннской операции[54 - Одна из крупных операций Первой мировой войны, в 1918 г., на реке Маас и в Аргоннском лесу, проведенная против немцев французами и американцами. (Прим. ред.)], но если ты об этом не знаешь, то и пистолет кажется тебе самым обыкновенным. Все это вот здесь! – Он постучал себя по лбу. – В уме, а не в пистолете. Я тоже был коллекционером. В сущности, поэтому и занялся нынешним бизнесом. Собирал ранние марки британских колоний.

Сложив руки на груди, Рита стояла у окна и смотрела на огни центра Сан-Франциско.

– Не погибни он, мы бы выиграли войну, – задумчиво произнесла она. – Так говорили мои родители.

– Так вот, – продолжал Уиндем-Мэтсон, – представь, что в прошлом году кто-нибудь – неважно кто, хотя бы правительство Канады – обнаружил клише старинных марок. И не только клише, но и краску. И запас…

– Я не верю, что одна из этих зажигалок принадлежала Франклину Рузвельту, – перебила его Рита.

Уиндем-Мэтсон хихикнул.

– В том-то и дело! Мне придется доказать это с помощью документа. Понимаешь? Вещь не говорит сама за себя, ее ценность должна подтверждаться бумагой. А следовательно, вся возня с историческими редкостями не имеет смысла. Это массовый самообман.

– Покажи бумагу!

– Пожалуйста.

Он снова прошел в кабинет и снял со стены листок в рамке – сертификат Смитсоновского института[55 - Смитсоновский институт – в нашем мире один из крупнейших научно-исследовательских и культурных центров США. Основан в 1846 г. в Вашингтоне на средства английского химика и минералога Дж. Смитсона (1765–1829). (Прим. перев.)]. Зажигалки и сертификат стоили целого состояния, но Уиндем-Мэтсон не жалел – они позволяли ему доказать свою правоту, доказать, что слово «подделка» – пустой звук, поскольку слово «оригинал» тоже ничего не значит.

– «Кольт сорок четыре» – это «кольт сорок четыре», – провозгласил он, возвратясь в гостиную. – Важны система и калибр, а не год изготовления. Поскольку значение имеет лишь то…

Рита протянула руку. Он отдал сертификат.

– Значит, одна из них все-таки подлинная, – сказала она наконец.

– Да. Вот эта. – Он подал ей зажигалку с длинной царапиной на боку.

– Пожалуй, мне пора, – сказала Рита. – Как-нибудь вечерком еще увидимся.

Она вернула сертификат и зажигалку и направилась в спальню, где осталась ее одежда.

– Почему?! – раздраженно крикнул он, идя следом. – Чего бояться? Нам никто не помешает, жена в клинике, приедет через несколько недель… Я же тебе объяснил ситуацию. Отслоение сетчатки…

– Дело не в этом.

– А в чем?

– Будь любезен, вызови велотакси, пока я одеваюсь, – попросила Рита.

– Я сам тебя отвезу, – буркнул Уиндем-Мэтсон.

Она оделась. Вернувшись из прихожей с ее пальто, Уиндем-Мэтсон застал Риту в кабинете, погруженную в раздумья. Казалось, ее что-то гнетет.

«Прошлое, – понял он. – Оно навевает грусть на многих. И я-то хорош, что завел этот разговор! – упрекнул он себя. – Но ведь она такая молоденькая – я думал, она и не слышала о Рузвельте ничего».

Рита опустилась на колени возле книжного стеллажа и взяла с нижней полки книгу.

– Ты читал?

Он напряг близорукие глаза. Яркая обложка. Роман.

– Нет, – ответил он. – Это жена купила. Она много читает.

– Тебе бы следовало прочесть.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Childan (Чилден) – созвучно children, то есть «дети». Можно предположить, что Тагоми добавил в фамилию собеседника мягкий, едва заметный звук «р». (Прим. перев.)

2

Муир-Вуд – в нашем мире заповедник, секвойный лес в штате Калифорния. (Прим. перев.)

3

Новоанглийский мебельный стиль – одно из направлений американского кантри-стиля. Для него характерны упрощенный дизайн и интенсивные тона цветовой палитры. (Прим. перев.)

4

Администрация общественных работ – один из инструментов государственного управления экономикой в рамках рузвельтовского «Нового курса» – программы выхода из Великой депрессии. АОР действовала с 1935 по 1943 г. и занималась главным образом крупным строительством. Почтовые здания, украшенные фресками и панно со сценами из истории США, пейзажами и портретами государственных деятелей, – памятники той эпохи. (Прим. перев.)

5

Гораций Грили (1811–1872) – знаменитый американский издатель, журналист и политик, основатель газеты «Нью-Йорк дейли трибьюн». (Прим. перев.)

6

Виктрола – стационарный граммофон, выпускавшийся в первой половине XX в. американской фирмой «Виктор Орсье». Громоздкие тумбы виктролы были вытеснены из обихода компактными патефонами. (Прим. перев.)

7

Джин Харлоу (1911–1937) – американская кинозвезда и секс-символ 30-х годов. (Прим. перев.)

8

Буффало Билл – псевдоним Уильяма Коди (1846–1917), знаменитого охотника на бизонов и создателя шоу «Дикий Запад». (Прим. перев.)

9

Джапами американцы презрительно называют японцев. (Прим. перев.)

10

Красивая девушка (нем.). (Прим. перев.)

11

Фред Аллен (настоящее имя Джон Флоренс Салливан; 1894–1956) – знаменитый американский комик, один из самых популярных юмористов в так называемую классическую эру американского радио. (Прим. перев.)

12

У. К. Филдс (настоящее имя Уильям Клод Дьюкенфилд; 1880–1946) – американский сценарист и киноактер. (Прим. перев.)

13

В нашем мире существовала «Великая восточноазиатская сфера сопроцветания» – глобальный политический проект Японской империи в период правления Хирохито по созданию блока азиатских стран под началом Японии для противостояния любым союзам западных держав. (Прим. перев.)

14

Боже мой, господин крейслейтер! Да разве здесь не идеальное место для концлагеря? И погода замечательная. Жарко, правда, но все равно хорошо…

(нем.) (Прим. перев.)

15

Прекрасная (нем.). (Прим. перев.)

16

Да, господин доктор (нем.). (Прим. перев.)

17

Евангелие от Матфея, 16:26. (Прим. перев.)

18

Ю. К. Шуцкий. Китайская классическая «Книга перемен». (Прим. перев.)

19

Ю. К. Шуцкий. Китайская классическая «Книга перемен». (Прим. перев.)

20

Шведская авиакомпания SAS (Scadinavian Airlines System, «Скандинавские авиалинии») в нашем мире действует с 1946 г. (Прим. перев.)

21

Partei – партия (нем.). Здесь – германская Национал-социалистическая рабочая партия, НСДРП (NSDAP; National-Sozialistische Deutsche Arbeiterpartei). (Прим. перев.)

22

Так! (лат.) (Прим. перев.)

23

Ю. К. Шуцкий. Китайская классическая «Книга перемен». (Прим. перев.)

24

Эпоха Токугава (1603–1867) – период правления сёгунов из Дома Токугава, крупнейших феодалов, опиравшихся на вассальных князей-даймё и сословие воинов-самураев. Абсолютистское правление сёгунов, с одной стороны, изолировало Японию, но с другой – обеспечило ей долговременный мир, экономический подъем и расцвет искусств. (Прим. перев.)

25

Ю. К. Шуцкий. Китайская классическая «Книга перемен». (Прим. перев.)

26

Ю. К. Шуцкий. Китайская классическая «Книга перемен». (Прим. перев.)

27

Европейская твердыня (нем.). (Прим. перев.)

28

«Быстрый призрак» (нем.). (Прим. перев.)

29

Каблограмма – телеграмма, передаваемая по подводному кабелю связи. (Прим. ред.)

30

Отрывок взят из английского классического издания «И-цзин», то есть немецкоязычной версии Р. Вильгельма, переведенной К. Бэйнс и послужившей автору «Человека в Высоком замке» основой для построения сюжета. Не совпадает по смыслу с использованной Ф. Диком цитатой комментарий Ю. Шуцкого: «Умение подыматься правильно – это самое главное свойство, которое является иной формой внутренней правдивости, отмечаемой на второй позиции. При подъеме совершенно не существенно, сколько жертв человеком будет вложено в этот подъем. Существенно только правильное его проведение и движение неуклонно вверх». (Прим. перев.)

31

Страна ферм (нем.). (Прим. ред.)

32

В ходе японо-китайской войны 12 января 1937 г. группа японских самолетов атаковала канонерку США «Панай», сопровождавшую три американских танкера на реке Янцзы. В течение получаса тонущий корабль был оставлен экипажем. (Прим. перев.)

33

Рудольф Дизель (1858–1913) – немецкий инженер и изобретатель, создатель дизельного двигателя. В сентябре 1913 г. при загадочных обстоятельствах исчез с борта парохода «Дрезден», следовавшего из Антверпена в Лондон. Тело было обнаружено через несколько недель немецкими рыбаками. (Прим. перев.)

34

Сатори – в дзенской традиции самая главная цель религиозной практики, измененное состояние сознания, в котором адепт сливается с объектом отождествления (мирозданием), реализует природу Будды, которой изначально обладает любой человек. (Прим. перев.)

35

Фронтир – во время покорения Дикого Запада граница отвоеванных у индейцев территорий. (Прим. перев.)

36

Старческий паралич. (Прим. ред.)

37

Внимание, дамы и господа (нем.). (Прим. перев.)

38

Они боятся, что… (нем.) (Прим. перев.)

39

Темпельхоф – аэропорт в Берлине. (Прим. ред.)

40

Большое спасибо (нем.). (Прим. перев.)

41

Народ, страна, кровь, честь (нем.). (Прим. перев.)

42

Момент (нем.). (Прим. перев.)

43

Природа (нем.). (Прим. перев.)

44

Произведений искусства (фр.). (Прим. перев.)

45

Из сборника «Ёса Бусон. Хайку». Перевод Т. Соколовой-Делюсиной. (Прим. перев.)

46

Ю. К. Шуцкий. Китайская классическая «Книга перемен». (Прим. перев.)

47

R. Wilhelm The I Ching or Book of Changes. (Прим. перев.)

48

Шлимазл – придурок (идиш). (Прим. перев.)

49

О, горе мне! (идиш) (Прим. перев.)

50

Мешугенер – сумасшедший (идиш). (Прим. перев.)

51

В нашем мире авианосец «Сёкаку» потоплен американской подлодкой «Кавелла» летом 1944 г. в сражении у Марианских островов. Адмирал Харуся в списке командовавших им адмиралов не значится. (Прим. перев.)

52

Эпизод Гражданской войны в Америке, битва при реке Булл-Ран весной 1862 г., закончившаяся тяжелым поражением армии северян. (Прим. перев.)

53

Пенология – учение об исполнении наказания, частная дисциплина криминологии. (Прим. ред.)

54

Одна из крупных операций Первой мировой войны, в 1918 г., на реке Маас и в Аргоннском лесу, проведенная против немцев французами и американцами. (Прим. ред.)

55

Смитсоновский институт – в нашем мире один из крупнейших научно-исследовательских и культурных центров США. Основан в 1846 г. в Вашингтоне на средства английского химика и минералога Дж. Смитсона (1765–1829). (Прим. перев.)

Купить: https://tellnovel.com/filip-dik/chelovek-v-vysokom-zamke

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити